

Глава 7.

Потрясения на Ближнем Востоке и реконфигурация Мир-Системы

События особой значимости

В главе пойдет речь о связи событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке с мировыми изменениями, о влиянии вторых на первые, а также о том месте, которое, по нашему мнению, занимают первые в общем развитии современной Мир-Системы. Мы старались передать непосредственное восприятие событий по горячим следам и дать уже ретроспективный анализ по результатам прошедших 3–4 лет, которые очень сильно изменили ландшафт региона.

Арабский мир и в целом Ближний Восток и Северная Африка уже давно воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2011 гг., получившие название Арабской весны, и последующие за этим пертурбации и конфликты вполне вписались в логику истории бурных событий данного региона, хотя стали для него шоком. В самом деле, «после десятилетий политической спячки» [Гарднер 2011] неожиданность и энергичность социального взрыва, географическая масштабность Арабской весны «от океана до Залива», синхронность «цветных революций» и социальных волнений, преобладающая на первых порах социально-политическая (а не межэтническая или межконфессиональная) направленность событий не могли не впечатлять¹. Волнения и протесты заметно затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива; при этом крупномасштабные волнения и революции происходили по крайней мере в шести странах; в Тунисе, Египте они привели к смене режима, в Сирии – к гражданской войне, в Йемене – к свержению президента и в конечном счете к гражданской войне и интервен-

¹ Межэтнические и межконфессиональные конфликты, конечно, несколько позже не могли не оказать своего огромного влияния в ряде стран, особенно таких как Ливия, Сирия, Йемен, и даже там, где, собственно, ни о каких революциях говорить не имело смысла (как, например, в Ираке).

ции, в Бахрейне – к интервенции, а в Ливии – к свержению режима с помощью внешних сил, дестабилизации и новой волне гражданской войны (о событиях в Египте, Сирии, Йемене см. предшествующие главы). Они затронули также Марокко, Алжир, Иорданию, Кувейт, Саудовскую Аравию, Оман, Ливан, Мавританию, Судан, Палестину, Мали, Нигер и многие другие страны Западной Африки и зоны Сахеля, оказали очень сильное влияние на Ирак, изменили политику всех стран Залива, Ирана и Турции². Словом, весь Большой Ближний Восток, включая Израиль, Афганистан и Пакистан, оказался так или иначе в них вовлеченным.

Более того, представляется, что в этих событиях есть нечто новое по сравнению с прошлыми событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сначала, конечно, была некоторая эйфория, заставлявшая все воспринимать со знаком безусловного прогресса. Журналист Дж. Ярон [2011] выразил это словами: «Наконец-то на Ближнем Востоке совершается история». Далее в статье говорилось: «“Уже более ста лет арабский Ближний Восток не является той ареной, где совершается история”, – утверждал еще совсем недавно Томас Фридман, один из влиятельных американских политических комментаторов. До начала XXI в. в арабских странах господствовали феодальные структуры, пресекавшие на корню любое идейное новшество. Но с момента начала революций в Тунисе и Египте этот дефект был исправлен. В начале 2011 г. не было недостатка в фактах, подтверждающих, что на Ближнем Востоке совершается история» [Там же]. Исчезло впечатление, что арабы способны лишь на антиколониальную освободительную борьбу или же на мятежи под зеленым знаменем ислама, считали другие [см.: Мирский 2011].

Однако жизнь показала, что арабские страны все еще во многом являются объектами геополитики, а их попытки стать ее субъектами либо подавляются, либо используются более сильными государствами в собственных целях. Но, без сомнения, 2010-е гг. по-

² Следующая цитата хорошо иллюстрирует настроения начала 2011 г. «Отголоски революций в Северной Африке дошли даже до среднеазиатских диктаторских и авторитарных режимов, в том числе и до Казахстана, – пишет *El País*. – Хотя эти два региона очень сильно отличаются друг от друга, есть и общее: например, зависимость от углеводородов, бедность широких слоев общества, долгое пребывание лидеров у власти и отсутствие демократической передачи власти» [Набитовский 2011]. Но жизнь показала, что ситуации в Средней Азии и Казахстане имеют и большие отличия [см., например: Акаева и др. 2013].

казали, что роль арабских стран все-таки растет. С другой стороны, и войны под зеленым знаменем ислама никуда не делись, а даже еще более радикализировались, обретая даже собственную псевдогосударственную структуру в лице «Исламского государства». Таким образом, палитра форм социально-политической активности ближневосточных народов сильно расширилась.

И это действительно стало новым явлением для Ближнего Востока. Кроме того, за этими событиями ощущалось и ощущается начало чего-то нового в мире в целом. Но чего именно? В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом [Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010b]. При этом мы ожидали, что формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от внешне незаметных до внезапных и бурных.

Исходя из этого прогноза, можно считать, что бурные события конца 2010–2011 гг. в Арабском мире, включая революции и волнения в, казалось бы, относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются началом структурных изменений, даже более того, **началом реконфигурации мира** [см.: Гринин 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; 2014з; 2015в; Grinin, Korotayev 2012; 2014а; 2014б; 2015]. Развитие событий в 2012–2015 гг. как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в других регионах (на Украине и Дальнем Востоке [Гринин 2014а]) все более убеждают нас в том, что реконфигурация мира началась и идет довольно активно.

Революции: причины, характер, движущие силы

Анализ концепций революций уже был дан во *Введении* и *Главе 2*, поэтому в настоящей главе мы делаем это в минимальном объеме. Вновь отметим, что несмотря на огромное число работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения нет, что, как нам представляется, неслучайно: слишком различные события объединяются этим термином. По-видимому, имеется много

десятков, если не сотен, различных определений революции. Но, как мог убедиться читатель, большинство из них вполне подходят для событий Арабской весны, по крайней мере в таких странах, как Тунис, Египет и Йемен. Так, в ряде дефиниций подчеркивается быстрота изменений, и в арабских странах она не может не впечатлять³.

В революциях в Арабском мире, как в любых такого рода крупных и неожиданно начинающихся процессах, налицо неповторимая совокупность многих причин (объективных и случайных, внешних и внутренних, социальных и личностных), разобраться в которых совсем непросто⁴. Причем такого рода потрясения даже десятилетия и столетия спустя остаются предметом споров, прежде всего в отношении причин революций [см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2010б]. Тем не менее всегда очень полезно попытаться систематизировать эти причины, насколько это возможно и с учетом сказанного в других главах. В частности, в них рассматривался целый ряд факторов арабских революций, а именно: рост цен и безработицы, коррупционность и порочность режима, нарастание недовольства, роль современных средств связи и информации в мобилизации и организации движений, влияние иностранных организаций, роль влияния «молодежного бугра», урбанизации и современного образования на социальную динамику⁵.

В этой главе мы проанализируем причины революций в несколько ином аспекте, но сначала попробуем, не претендуя на полноту, сформулировать некоторые условия и предпосылки, необходимые для того, чтобы произошла революция. Эти предпосылки в полной мере присутствовали в событиях Арабской весны (ниже мы дополнительно их конкретизируем):

1. Определенные структурные особенности общества, генерирующие труднопреодолимые экономические и социальные

³ Например, «быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» [Neumann 1949: 333–334]. «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» [Huntington 1968: 264].

⁴ О роли личности в период революций см.: Гринин 2008г; 2010г; 2011г; Grinin 2012a: ch. 2.

⁵ Сравнительный анализ безработицы, коррупции и бедности см. в *Главе 1*; см. также: Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012: Раздел 2.

проблемы. В отношении арабских стран речь идет о «молодежном бугре» и перенаселенности многих арабских городов в результате взрывообразных урбанизационных процессов [см. подробнее в *Главе 1*; см. также: Гринин, Коротаев 2012б], перекосах в экономике и распределении. В отношении таких стран, как Египет, можно также добавить перекосы в образовании, что привело к очень высокой доле безработных среди лиц с высшим образованием (см. *Главу 1*, а также далее). Есть и еще один аспект такого рода структурных предпосылок, вызванных взрослением общества. Дело в том, что оно «вырастает» из привычных отношений и стремится к новым формам, даже если всерьез к этому еще не готово (степень готовности определяется историей позже, «по факту»). В итоге такой модернизации общество часто попадает в модернизационную ловушку⁶.

2. Жесткость режима. В истинно демократических режимах революций не бывает. Революции направлены только на жесткий режим, который пытается контролировать все и потому как бы за все отвечает. Соответственно все плохое, действительное и даже мнимое, начинает приписываться этим режимам и их персонифицированным выразителям. В каждом подобном режиме существуют определенные дефекты, связанные с особенностями институтов и личностей⁷. В частности, авторитарные режимы в арабских странах

⁶ Отмечено, что процессы модернизации обычно идут сложно и достаточно часто сопровождаются потрясениями и революциями. *Модернизационной ловушкой* мы назвали ситуацию усилившихся в результате модернизации до степени социального взрыва противоречий и диспропорций в обществе, связанных со сложными структурными перестройками и глубокими качественными и масштабными количественными изменениями в нем, которые происходят в исторически короткие сроки. Качественные изменения в технологии, производстве, прибавочном продукте, уровне образования, урбанизации, росте населения и многом другом не сопровождаются адекватными изменениями в важнейших институтах общества (политической структуре, правовой системе, системе привилегий, отношениях собственности, религии, семейно-брачных отношениях, морали и т. п.). В итоге отношения в обществе обостряются, возникает завышенный уровень ожиданий, претензий и идеалов, удовлетворить которые при сложившейся ситуации оказывается невозможным [подробнее см.: Гринин 2010а; 2010б; 2012а; 2012з; 2013в; Grinin 2012с; Гринин, Коротаев 2012б].

⁷ В таких случаях, даже если формально это республики (фактически неконсолидированные демократии), власть, как отмечает Р. Данин из американского аналитического центра под названием Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), «настолько централизована, что госаппарат и лидер становятся синонимами» [см.: Халаф 2011]. Напротив, в монархиях у королей иногда больше возможностей для маневра, поскольку исполнительная власть и монарх в этом случае разделены, отмечает Р. Данин. Например, вскоре после начала массовых демонстраций король Иордании Абдалла отправил в отставку премьера, а султан Омана Кабус – все правительство. В Марокко аналогичное разделе-

обладали (каждый на свой лад и в то же время достаточно похоже) характерными дефектами: кумовством, коррупцией, клановостью во власти и бизнесе, использованием служебного положения в личных целях, несправедливым судом и т. п.⁸ Изменить такую систему, тем более если она основана на режиме личной власти определенного политика, а система передачи власти преемнику не создана либо дает сбой, очень сложно, даже если правительство и понимает все ее недостатки.

3. Падение авторитета власти и особенности политической структуры. За длительное время у многих нарастает недовольство коррупцией, засильем людей из определенных групп или кланов, нарушением справедливости, невозможностью реализации жизненных планов и т. п. Когда социальный мир и порядок держатся на определенной личности (при авторитаризме или диктатуре), тогда падение авторитета правительства ниже определенного уровня и даже небольшое ослабление власти делает режим очень хрупким [см.: Гринин 1997; 2008г; 2010ж; 2011в; 2012г; 2012з; Семенов и др. 2007]. И, как показывает история и события Арабской весны в частности, социальные волнения могут сравнительно легко сокрушить власть. Добавим, что если при этом еще недостаточно внутренних скреп при наличии противоборствующих или сепаратистских сил и тенденций (последнее нехарактерно для Туниса или Египта, но весьма релевантно для Йемена, Сирии, Ливии, а также – добавим попутно – и Украины [Гринин 2015а]), социальная нестабильность может вести не только к большим потрясениям, но даже к распаду государства.

Предпосылки революций всегда связаны с нарастанием недовольства властью, с одной стороны, и бессилием (растерянностью, нерешительностью) власти в какой-то момент – с другой (в отношении последнего пример Туниса, Египта или опять же Украины является очень типичным). При этом важно, что одни и те же люди у власти надоедают настолько, что сама по себе усталость от них

ние власти позволило королю Мухаммаду объявить о реформах, расширяющих полномочия избираемого народом парламента [Халаф 2011].

⁸ При этом, конечно, уровень управления очень сильно зависит от общего уровня государственной культуры в стране (так, в Египте он был выше, чем в других странах) и самого правителя. Отметим также, что хотя подобного рода режимы неподконтрольны обществу, но и само общество еще неспособно к такому контролю, то есть уровень режима обычно вполне соответствует общественному уровню.

и раздражение всем, что бы они ни делали (хорошего или плохого), становится одним из важнейших фактором активизации и объединения оппозиционных сил. Имеются исследования, которые показывают, что средняя «нормальная продолжительность» правления авторитарного лидера – 14 лет [см., например: Goldstone *et al.* 2003]⁹. Это значит, чем дольше держится власть авторитарного лидера, тем – при прочих равных условиях – быстрее он теряет авторитет и легитимность, и право лидеров страны руководить, если они находятся у власти слишком долго, ставится под сомнение. Как говорит П. А. Сорокин [1992б: 278], когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения. Утрата авторитета становится столь очевидной, что в начале кризиса даже те, кто объективно или по долгу службы должен поддерживать власть, начинают дистанцироваться от нее или открыто переходить на сторону оппозиции (в особенности при наличии острого внутриэлитного конфликта). Это касается и высшей элиты, и армии, и репрессивных органов (см. описание такого паралича власти в *Главе 6*). Такое отмежевание или прямое «предательство» ближайших сторонников, отказ от выполнения приказов и т. п. еще сильнее деморализуют высшую власть, отчего ее падение часто происходит удивительно легко.

4. Идеологические предпосылки. По сути, все революции – это сочетание настроений протеста, недовольства, ненависти, желания переложить ответственность за тяготы и трудности на надоевшее правительство, с одной стороны, и сильная тяга к новым идеям, идеалам, отношениям и т. п. – с другой. В обществах, где не стремятся к переменам, вряд ли возможны революции. Мало того, если в обществе отсутствуют подходящая идеология, идеализированная и мифологизированная модель лучшей жизни, мало шансов, что революция произойдет. В лучшем случае это будут мятежи, протесты, бунты и т. п. Отметим, кстати, что объективность обвинений здесь уже не играет роли, наоборот, намеренно распускается все больше

⁹ В этой же работе есть важный вывод, что в современной Африке особой неустойчивостью обладают смешанные режимы (непоследовательно авторитарные режимы со значительными элементами демократии), и в то же время значительно более устойчивыми оказываются как последовательно демократические, так и последовательно авторитарные/недемократические режимы. Отметим, что это касается далеко не только Африки, о чем свидетельствуют «цветные революции» на территории бывшего СССР, при этом в странах с большей авторитарностью (Белоруссия, Узбекистан и др.) попытки революций не имели успеха.

необоснованных порочащих власть слухов и обвинений (как, например, русскую царицу в 1916 г. обвиняли в измене). А если обвинений не хватает, нередки провокации, вплоть до провокационных выстрелов или расстрелов демонстрантов. События в Киеве в феврале 2014 г. прекрасно это иллюстрируют (см. также *Главу 3* о подобных провокациях со стороны сирийской оппозиции).

Таким образом, для революции нужны некоторое ухудшение условий жизни, помноженное на завышенные претензии к правительству и завышенные ожидания; необходимы представления о том, что можно было бы вполне реально сделать жизнь намного лучше, справедливее, честнее, если бы не мешало плохое (корруптированное, преступное, антинародное и т. п.) правительство. То, что совпадение реальных с идеализированными представлениями возможно только в небольшой степени, выясняется позже, после победы революции и провала новой власти в плане выполнения обещаний.

Завышенные ожидания, во многом порожденные именно ориентацией на более развитые страны, создают идеологическое обоснование для недовольства и выступления против правительства. Это особенно опасно для модернизирующихся стран, в которых есть повышенная доля молодежи и которые не так давно вышли или только выходят из мальтузианской ловушки [см. *Главу 1*; см. также: Гринин 2010а; 2010б; 2012а; 2013в; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2011г; 2012а; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев 2012а; Grinin 2012с; Korotayev 2014; Korotayev, Zinkina 2011а; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011]. Очевидно, что многие из стран Арабской весны именно таковы.

Голод, завышенные ожидания или стремление к свободе?

В *Главе 1* мы уже останавливались на развенчании некоторых мифов об арабских революциях. Но, к сожалению, сила этих мифов достаточно велика, поэтому имеет смысл отмежеваться от них дополнительно. Нередко главной причиной арабских революций представляли такое падение уровня жизни населения в результате роста безработицы и роста цен на продовольствие, которое близко к полному обнищанию и голоданию. Действительно, акты саможжения в разных странах как будто подтверждали это. Но сейчас видно, насколько идеологизированным было такое объяснение.

Представляется абсолютно неверным интерпретировать события, происходившие в Египте, Тунисе, Бахрейне (а в целом и в других арабских странах), как «голодную революцию»¹⁰. Если взять для примера Египет, то процент людей, живущих менее чем на 1\$ в день (уровень критической бедности), составляет менее 2 %, что аналогично ситуации в развитых странах (США, Великобритании и др. [см. *Главу 1*; см. также: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Гринин, Коротаев 2012б]). Поэтому можно согласиться, что события, происходившие в этой стране, правильнее было бы характеризовать как активный протест, *фитну* (от арабского *ал-фитна* – смута, психологическое состояние массового протеста и стремления свергнуть власть) людей, лишенных надежд на благополучное и свободное будущее [см. подробнее: Исаев, Шишкина 2012а].

То, что Арабская весна не была революцией голодных, наглядно подтверждает карта (Рис. 7.1), составленная Всемирной продовольственной программой; уровень голода по странам классифицируется цветовой гаммой по пяти категориям.

Очень характерно, что все арабские страны, за исключением Йемена, находятся в первой категории вместе с развитыми странами, то есть, согласно этой карте, число недоедающих в них менее 5 %. И в целом уровень «обнищания» вовсе не был столь высоким (см. *Главу 1*). Кроме того, по крайней мере в Египте оказывалась значительная продовольственная помощь живущим за чертой бедности. Разумеется, падение уровня жизни, рост безработицы и цен выступили своего рода детонатором социального взрыва, которого в ином случае могло и не быть. Так, число безработных в Египте перед революцией достигло почти 2,5 млн [Abd al-Rahman 2010: 4]. Но хуже, что более миллиона из них составляли молодые люди 20–24 лет. Многие обозреватели [см., например: Игнатенко 2011; Мухаммед 2011; Бубнова, Салем 2011; Халаф 2011] справедливо отмечали, что ударной силой арабских революций выступила молодежь. Это неудивительно, учитывая, что ее численность в последние десятилетия очень быстро росла (см., например, рост численности египетской молодежи на Рис. 7.3). Характерно, что эта образованная молодежь уже не хотела выступать под зеленым знаменем ислама (см. также *Приложение 1*). Под ним позже собирались в

¹⁰ Даже в Йемене, где норма потребления не достигла рекомендованной ВОЗ [см.: FAO 2011], этот фактор, будучи катализатором недовольства, все же не был ведущим.

большей степени необразованные молодые люди (в том числе из сельской местности). Таким образом, особенностью современных социальных движений на Ближнем Востоке стало то, что влияние глобализации, демократии, западных ценностей, Интернета и современных технологий на значительную часть общества начинает перевешивать традиционные влияния (см. Приложение 1).

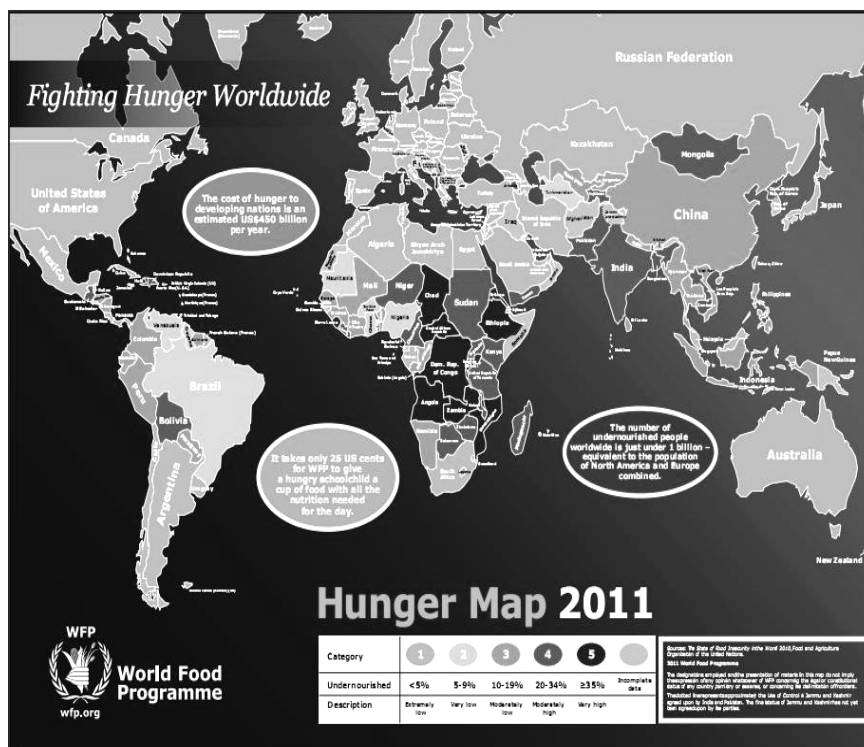

Рис. 7.1. Карта распространения голода в мире в 2011 г.

Источник: World Food Program (см.: <http://www.wfp.org/hunger/map>).

В целом мы согласны с теми аналитиками, которые считали, что преобладающую роль в Арабской весне играли политические требования: свобода, демократия, подотчетность властей перед народом [Халаф 2011]. (Но речь идет только о начальных событиях, далее в общий хор включились иные лозунги и иные силы.) И тот факт, что, согласно исследованиям, проведенным в конце 2010 г.

Центральным египетским агентством по общественной мобилизации и статистике (*The Egyptian Central Agency for Public Mobilization and Statistics*), более чем 43 % египетских безработных имели университетский диплом [CAPMAS 2010], это подтверждает. Именно эти молодые образованные люди и составили ударную силу революции на ее первом этапе. Для них речь шла не просто о возможности зарабатывать, они чувствовали себя оскорбленными властью, а причины своего неудовлетворительного положения видели в отсутствии демократии и свободы, пороках власти и режима Мубарака (режима, который, собственно, и дал им образование). Поэтому помимо лозунга «Долой!»¹¹, весьма обычного для всех революций, они требовали свободных выборов, отмены военного положения, свободы и демократии.

Но при этом представляется, что эти лозунги во многом порождены чрезмерными требованиями к власти (которая, надо отметить, немало сделала и для роста образования в странах, и для роста экономики и уровня жизни), и в целом завышенными ожиданиями, порожденными, с одной стороны, примером более развитых стран¹², а с другой – достаточно длительным периодом реального роста уровня жизни. В монархических нефтедобывающих странах, где имеются огромные ресурсы, удается, хотя и с трудом, покупать мир ценой все больших дотаций населению¹³.

В связи со сказанным нельзя не вспомнить о теории революционных кризисов Дж. Дэвиса [Davies 1969], которую мы приводим ниже в достаточно удачном, на наш взгляд, пересказе А. П. Назаретяна [2005: 156]:

¹¹ *Ирхал* («Уходи» – пер. с араб.).

¹² Здесь налицо отождествление определенных характеристик развитых стран (особенно демократии) с их большими успехами в области уровня жизни и культуры жизни. Иными словами, демократия видится как способ быстрого достижения уровня жизни развитых стран. При этом полностью выпадает из понимания, что сама по себе демократия, равно как и другие институты, может работать только при наличии очень многих условий, которые вырабатывались в западных странах столетиями. Об этом подробно было сказано в *Главе 2* [см. также: Гринин, Коротяев 2013; 2014a]. Добавим только, что идеализация демократии используется различными политическими силами западных стран для реализации собственных целей и распространения собственного влияния на остальной мир.

¹³ В монархических государствах богатого нефтью Персидского залива громадные финансовые ресурсы правящих династий помогают снизить градус недовольства: только в Саудовской Аравии только в 2011 г. на социальные нужды было дополнительно израсходовано более 100 миллиардов долларов [Халаф 2011]. И траты продолжались последующие годы. Но при этом одновременно увеличились и военные расходы, и затраты на репрессивные органы. Поэтому неудивительно, что в 2014–2015 гг. в связи с падением цен на нефть и в этих странах начинают ощущаться финансовые трудности.

Изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Девис [Davies 1969] показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста за которым развитие не успевает или, как в данный момент, кризиса и роста цен на продовольствие. – *Авт.*), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки (см. Рис. 7.2).

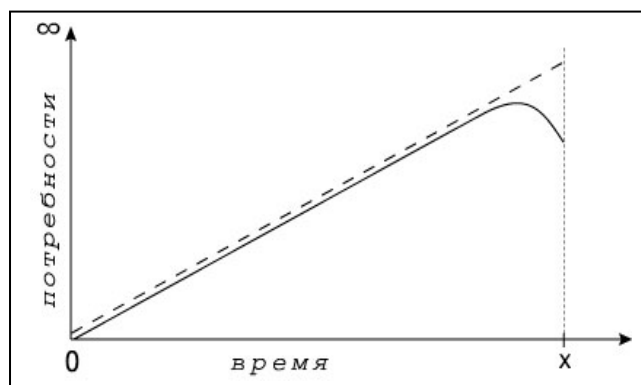

Рис. 7.2. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация

Источник: Davies 1969.

Примечание. Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит либо нет в зависимости от ряда «субъективных» факторов [см.: Назаретян 2005: 156; Гринин 2011г; 2012а; 2012з].)

Несмотря на избыточную категоричность изложения, данное описание представляется весьма релевантным для арабских модернизирующихся обществ.

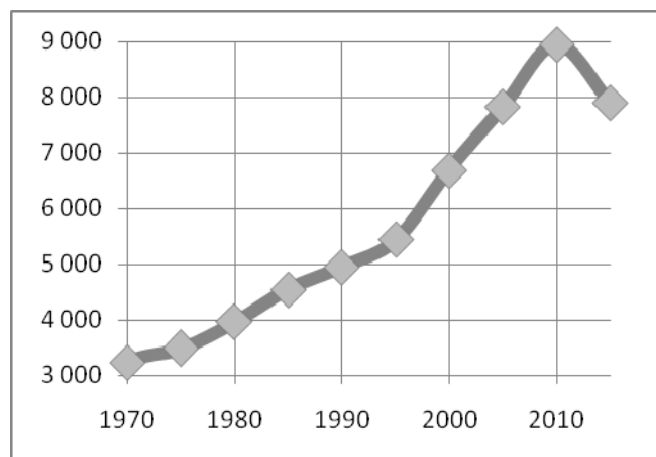

Рис. 7.3. Численность египетской молодежи в возрасте 20–24 лет, тыс. чел.

Источник: Korotayev, Zinkina 2011b: 88.

Глобальный аспект причин Арабской весны

С учетом темы настоящей главы необходимо остановиться на разделении внутренних и внешних, особенно глобальных, причин, но с учетом того, что одни и те же причины выступают и как внутренние, и как внешние, глобальные причины в разных обществах могут вызывать весьма разные последствия¹⁴. Анализ причин революций привел нас к выводу, что в их возникновении едва ли не важнейшую роль сыграли внешние, особенно глобальные факторы и причины, или – с учетом того, что ряд причин можно рассматривать одновременно как внешние и внутренние, – глобальный аспект этих причин.

При этом вновь подчеркнем, что именно совпадение внутренних и внешних факторов в сочетании с другими обстоятельствами может привести протесты к уровню революционного шторма, а для победы последнего также нужны особые условия. В частности, небезынтересно отметить, что «нынешняя цветная революция в Египте (то есть революция 2011 г. – *Авт.*) – это уже третья попытка. Первая была в 2005 г., когда движение *Кифай!* (“Хватит!”) затея-

¹⁴ Весьма показательное сравнение разной реакции на рост цен на продовольствие на Ближнем Востоке и в Латинской Америке [см.: Коротаев, Ходунов и др. 2012].

ло митинг на той же площади Тахрир против переизбрания президента Мубарака на новый срок. Тогда организаторам движения удалось собрать всего лишь менее тысячи человек. Вторая попытка произошла в 2008 г. Тогда тоже главным требованием было отстранение Мубарака от власти, но опять-таки отсутствовала массовая поддержка этого требования» [Игнатенко 2011]. И только третья попытка в 2011 г. под влиянием кризиса, роста цен и, главное, внутриэлитного раскола и успеха революции в Тунисе оказалась удачной.

Сначала исследуем факторы, которые можно рассматривать одновременно как внутренние и глобальные (точнее, как трансформацию глобальных причин во внутренние проблемы и настроения). Идеологическая палитра общества, его духовный настрой всегда выступает как его внутренняя характеристика, причем одна из самых важных при анализе революций. Но откуда взялись сами политические лозунги, способы их пропаганды, наконец, технические средства этой пропаганды и организации? Несомненно, идеи превосходства демократии, убеждения, что правительство всегда за все ответственно и должно поддерживать достойную жизнь населения, что всякий получивший диплом должен иметь высокооплачиваемую и гарантированную работу и т. п., есть результат воздействия новейшей западной социальной культуры (именно новейшей, поскольку до середины XX в. социальная помощь еще не казалась обязательной и на Западе)¹⁵. Помимо этого подчеркнем, что господство идеологии «цветных революций», идущих достаточно успешно с начала XXI в., а также активное их «подталкивание» или прямая подготовка из-за рубежа (или организациями, которые поддерживаются извне) одновременно выступает как внешняя причина (о цветных революциях см. *Введение*). Поэтому несомненно определенную роль сыграли и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций, хотя можно согласиться, что конспирологическая версия

¹⁵ Правда, они уже успели набить оскомину в других обществах, недаром один журналист назвал их «пыльными идеологемами, слабо связанными с реальностью» [Яковина 2013]. Да и в западных странах в последнее время социальная помощь касается далеко не всех слоев и в важных аспектах может отсутствовать. В частности, проблема нахождения адекватной работы для дипломированной молодежи стоит весьма остро, однако «молодежного бугра» в этих странах нет, соответственно и социальное напряжение намного ниже, чем в бурно растущих развивающихся.

произошедшего не выглядит достаточно релевантной, если в объяснении ограничиться только ею¹⁶.

Тем не менее влияние США и Запада может рассматриваться как одна из причин, способствовавшая синхронности, поскольку в целом они довольно активно поддерживали революционные движения, «держали за руки» правителей, которые пытались подавлять эти движения, а также активно стремились свергнуть правительства ряда стран, всячески поддерживая в них так называемую оппозицию (фактически военных мятежников). Следующий взгляд на причины событий Арабской весны можно считать вполне здравым: «Сейчас существует много точек зрения относительно того, инициированы эти события из одного центра, или все же из разных. На мой взгляд, в каждой стране действует несколько разнородных сил – тут и местные политические и финансовые элиты, и региональные игроки, и мировые центры силы. Все эти игроки пытаются использовать объективные факторы и причины для достижения своих целей. Многое определяется и весом игроков. Прежде всего, речь, конечно, идет о США и Западе в целом. Вместе с тем, на примерах Египта или Бахрейна мы видим, что не все события определяются из Вашингтона. Есть другие игроки, которые в одном случае играют скрытно, в другом – более явно. Но это говорит не об их слабости, а, скорее, о понимании соотношения сил» [Баранчик 2013].

Итак, глобализация в целом, включая быстрое распространение современных информационных и коммуникационных технологий, а также представлений о том, какие порядки, отношения, уровень жизни следует считать достойными, сыграли большую роль в организации и разворачивании революций.

¹⁶ У. Добсон в блоге *The Washington Post* называет конспирологические теории последним прибежищем диктаторов. «Действительно, в этих странах работают западные организации гражданского общества, – признает автор статьи. – Но необъяснимо, как группа сотрудников нескольких слабо финансируемых неправительственных организаций могла свергнуть целый ряд авторитарных режимов» [см.: Набитовский 2011]. Тем не менее фактическая и оперативная помощь таких компаний, равно как и сервисов вроде *Google*, *Twitter*, *YouTube* и целого ряда других [см., например: Галустян, Кузьменкова 2011], уже выглядит отнюдь не слабой. А активное участие западных дипломатов, одновременно являющихся и представителями спецслужб, усиливает внешний фактор. Не следует забывать и о так называемых НКО, получающих финансирование из специальных фондов США или других западных стран, а также ангажированных другими способами.

Современные технологии, как отмечалось многими, стали важной причиной хорошей организации движений. В самом деле, призывы с помощью мобильных СМС-сообщений или размещения на популярных сайтах стали едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология быстро копировалась в соседних странах [см., например: Tausch 2011; Галустян, Кузьменкова 2011]. Не только европейские ноу-хау, но и чисто арабские, например использование возможностей для митингов в молитвенный пятничный день, стали быстро перениматься [см., например: Игнатенко 2011].

Даже такой бесспорно внутренний фактор, как демографический, может рассматриваться как внешний. Важнейшей причиной, действие которой невозможно устранить, являлась повышенная доля в населении молодых возрастов (коhort), так называемый «молодежный бугор» [см. Рис. 7.3; подробнее см. в *Главе 1*; см. также: Гринин, Коротаев, Малков 2010а; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Гринин, Коротаев 2012б]. Однако это мировой глобальный фактор, а не чисто египетский или арабский. Политологи ранее уже говорили о странах с молодежной возрастной структурой населения как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии [Мир... 2009: 59].

Современный кризис, начавшийся в 2008 г. и продолжающийся до сих пор, нужно рассматривать в первую очередь как глобальный фактор, уже оказавший огромное воздействие и способный существенно повлиять на судьбы мира в будущем [см.: Гринин 2009а; Гринин, Коротаев 2009а; 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2015; см. также: Кудрин 2009; Рубцов 2011; Сулакшин 2012; Кругман 2013; Мельянцев 2015]. Однако влияние этого кризиса стало важнейшим внутренним фактором в каждой стране Арабской весны. Несомненно, именно он во многом «ответственен» за синхронное возникновение политического кризиса во многих странах. Очень важную роль сыграл другой (частично связанный с кризисом) глобальный фактор, который назвали *агфляцией*. Хотя он имел временный характер, сила его воздействия на арабские страны была велика (об агфляции см. также *Главу 1*). Еще до начала кризиса беспрецедентно высокие цены на продовольствие породили волнения в некоторых арабских странах (и не только в них [см. Рис. 7.4]). Однако в 2008–2009 гг. в связи с общим падением цен на многие активы также «сдулся» пузырь цен на продовольствие. В результате возникла парадоксальная

ситуация. Число живущих за чертой бедности в том же Египте, несмотря на бушующий кризис, заметно уменьшилось [Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Korotayev, Zinkina 2011b]. Между тем в 2010 г. в связи с неурожаем в целом ряде стран в разных частях мира, а также новым «надуванием» пузырей и разгоном спекуляции в результате политики «количественного смягчения» инфляция усилилась. В результате число живущих за чертой бедности в Египте и других арабских странах быстро увеличилось. И это наряду с другими упомянутыми выше острыми проблемами (безработицей, возмущением ростом коррупции, сильным неравенством и т. п.), а также ростом популярности идеи обновления режима вылилось в политические революции¹⁷.

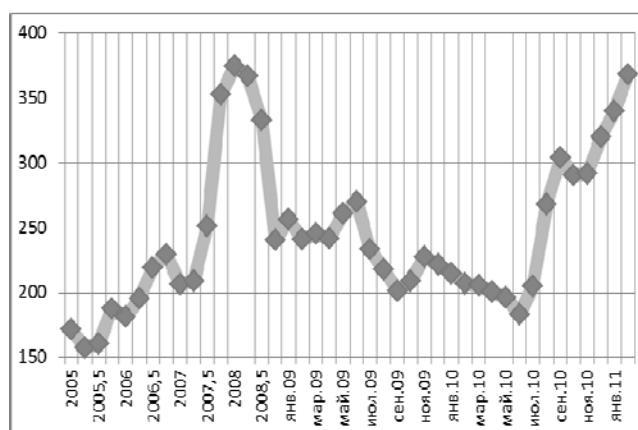

Рис. 7.4. Мировые цены на пшеницу в долларах за тонну, 2005–2011 гг.

Источник: Korotayev, Zinkina 2011b: 74.

Влияние глобализации видно и в том, что суверенные prerogatives государств под влиянием как объективных процессов, так и добро-

¹⁷ Стоит отметить, что к весне 2011 г. рост цен на продовольствие прекратился, а к лету на некоторые из продуктов начал снижаться. Если бы режимам удалось выстоять еще полгода, возможно, накал страстей не был бы столь сильным. На этом примере видно, как внешнее событие может роковым образом сказаться в обществе, где противоречия и недовольство достигли критического уровня. Кстати отметить, что в последние годы цены на продовольствие в мире снижаются, в 2014–2015 гг. это снижение было особенно связано с падением цен на энергоносители, а также и с сокращением спроса на биотопливо. Это отражает общий процесс усиления дефляции в мире в послекризисные годы [см.: Гринин, Коротаев 2014б; 2014в; 2015а].

вольного отказа от части суверенных прерогатив, а также мирового общественного мнения и нередко прямого давления (особенно со стороны США) существенно трансформировались и сократились [подробнее см.: Гринин 1999; 2005; 2007б; 2008а; 2008б; 2008в; 2012д; Grinin 2009а; 2009b; 2012а; 2012b]. Сокращение суверенных полномочий наглядно видно как в навязывании демократических стандартов, вовсе не всегда подходящих к конкретным странам, так и в том, что под влиянием соответствующего мирового общественного мнения и прямого давления на правительства стран, в которых происходили революционные волнения, власти не имеют возможности применить силу против демонстрантов и даже против вооруженных мятежников, многие из которых на поверку оказываются вовсе и не гражданами соответствующих стран, а наемниками. Убеждение, которого далеко не всегда на практике придерживаются сами западные страны, что правительство не имеет права применять оружие против граждан, намеревающихся его свергнуть, существенно связало руки правителям, попавшим в отчаянное положение¹⁸.

Между тем, оставляя за скобками моральный и гуманитарный аспекты проблемы, можно предположить, что жесткое применение силы могло существенно изменить политическую ситуацию в Тунисе и Египте. В обеих странах, конечно, особую позицию заняла армия [см. *Главу 1*; см. также: Халаф 2011; о поведении армии в таких ситуациях см. *Главу 6*], но, возможно, в какой-то степени именно под влиянием призывов Запада не доводить до кровопролития. В любом случае на сегодня факты таковы, что тот, кто не решился или не смог применить оружие, свергнут, а те, кто это сделал или делает, пока власти не лишены (случай с Каддафи особый, так как ему фактически была объявлена война коалицией могущественных государств). Условно определяемые как контрреволюционные, события в Египте показали, что без применения силы (причем в гораздо больших размерах, чем в последние годы правления Мубарака) стабильности в обществе было не достигнуть.

¹⁸ В условиях откровенно двойных стандартов США и западные страны, с одной стороны, «выкручивают руки» правителям, в падении которых они заинтересованы (угрожая судом, арестом счетов и т. п.), а с другой – охотно закрывают глаза в случаях, если оружие против недовольных применяют удобные для них режимы [см. подробнее: Гринин 2015б]. Новейшая история Украины и Йемена хорошо показывает, как действуют двойные стандарты.

Каким путем пойдут революции?

Ход истории далеко не часто идет по линии наименьших потерь для населения и общества, и влияние глобальных факторов нередко оказывается решающим в выборе пути развития тех или иных государств. В результате особых обстоятельств отдельные страны нередко как бы объективно приносятся в жертву основным направлениям развития мира (также в какой-то мере их неудачи становятся условием более удачного развития других обществ). В частности, общий вектор развития на ослабление национального суверенитета в последние десятилетия XX в. привел к распаду многонациональных государств, что в общем-то не было неизбежным и, думается, не являлось наилучшим путем [анализ национализма и общих тенденций глобализации см.: Гринин 1999; 2005; 2008а; 2009б: Гл. 5; Grinin 2008].

В таком плане, на наш взгляд, существование авторитарных режимов в Тунисе и Египте было бы лучшим вариантом с экономической и, вероятно, социальной точек зрения, чем революционное их свержение с неопределенным результатом. Египет, как уже неоднократно бывало, смог вернуться к более устойчивой форме правления. Ситуация в Тунисе также временно исправилась, но она более неопределенная (об этом мы скажем далее). Если рассматривать исторические примеры, то сохранение монархии в России в 1917 г. было бы существенно лучшим для нее исходом, чем Февральская революция, свержение шаха в Иране в 1979 г. также привело к тяжелым жертвам для этой страны и мира в целом. Отметим, что при таких внутренних катаклизмах присутствует большой риск развала государств. Особенно чувствительными оказываются многонациональные и многоконфессиональные страны, а также те, в которых государственные формы и границы еще не устоялись, а государственное сознание жителей слабое. В них свержение сильных (хотя и коррумпированных) авторитарных правителей, которые реально удерживали страну, может привести к анархии внутри государства. Хорошим подтверждением служат события в Йемене, порядок в котором все более ослабевал, борьба ведущих сил внутри общества нарастала, и в итоге он стал ареной иностранной интервенции и гражданской войны (подробнее см. *Главу 4*). Потенциальная опасность распада некоторых стран превратилась в реальность. Совершенно неясная ситуация сложилась в настоящий момент в Ливии, где нет единого правительства, контролирующего ситуацию в стране, укрепляются опирающиеся на трайбалистские

связи силы¹⁹. Фактически разделена на несколько частей Сирия, где сражаются между собой ИГИЛ, правительственные войска и целый ряд движений – так называемая оппозиция. [Об этом см. подробнее в *Главах 3 и 5*; см. также: Родье 2015]. Сирийский конфликт стал центром противостояния интересов множества стран (см. *Главу 4*). Он также стал причиной нового витка войны в Ираке и полураспада этой страны. Да, к сожалению, сегодня есть большая доля правды в утверждениях, что «Ирака больше нет, как и Сирии» (так заявляет бывший глава ЦРУ и АНБ Хайден [Мандевиль 2015]). Однако свержение режима Башара ал-Асада может привести к полной дезинтеграции Сирии и усугублению и без того скверной ситуации, «расползанию» влияния ИГ на еще большую территорию [см.: Балланш 2014; Родье 2015].

Имеет смысл хотя бы бегло обозначить некоторые итоги революций и возможные варианты развития событий в странах Арабской весны, как они виделись в 2011 г. и сегодня, в 2015 г. Естественно, было много попыток предугадать, по какому варианту пойдет развитие в них дальше, что крайне важно для будущего и Северной Африки, и Ближневосточного региона, и мира в целом. Какой представлялась ситуация там, где революции победили, то есть в Тунисе и Египте?

«Политический переходный период в Египте и Тунисе проходит хаотично: ожидания людей намного превосходят возможности временных правительств – особенно в том, что касается материальных благ», – писал Р. Халаф [2011]. Но хаотичность – не главная характеристика ситуации в этих странах. Период после победы

¹⁹ Только сейчас (в 2015 г.) под влиянием увеличившегося числа беженцев из Ливии у некоторых (в общем-то немногих – большинство по-прежнему не хочет этого признавать) исследователей и политиков появляется осознание ошибочности и преступности того, что совершил Запад в этой стране. Норвежка Х. Н. Хэрланд [2014], в частности, пишет: «Потом Норвегия участвовала в нанесении авиаударов по Ливии, одному из богатейших государств на Африканском континенте, разбомбив его до основания по указке США. Таким образом, мы, по сути, помогли связанным с “Ал-Каидой” повстанцам прийти к власти во втором по величине городе страны Бенгази. До этого Ливия представляла собой общество всеобщего благосостояния со справедливой системой распределения доходов и ВВП выше, чем в Италии и Австралии. <...> Сама я была одной из немногих, кто выступал против происходящего, и в своих статьях в газете “Афтенпостен” писала о том, что военные действия НАТО в Ливии и убийство там гражданского населения является одним из худших в наше время примеров злоупотребления Западом властью». Далее следует справедливый вывод, который, однако, пока разделяет явное меньшинство: «НАТО превратилась из трансатлантического оборонительного альянса в инструмент политики силы и агрессии в отношении слабых государств, в которых затрагиваются интересы Запада» [Там же]. В этой статье автор также указывает о том, что было неверно вмешиваться в войну в Сирии.

революции нигде не проходит организованно, это всегда весьма сумбурное время. Важно отметить, что развитие шло по вполне понятной логике революционеров: эскалации социального возбуждения и истерии, поляризации общества, выдвижения все новых требований, поиска новых врагов. Радикалам были «нужны новые акции протеста, чтобы не допустить контрреволюции» [см., например: Супонина 2011]. Новым лидерам было нужно постоянно организовывать массы, а лучше всего организовывать их именно на расширение внутренней борьбы. И поскольку революционерам нечего было предложить в конструктивном плане, для сохранения своих позиций они должны были обострять внутреннюю обстановку. Грубо говоря, они искали козлов отпущения и накаляли страсти (и кое-где все еще продолжают делать это). Суд над президентом Хосни Мубараком, приговоры членам его правительства также стали повторением классики революций²⁰. Уже в скором времени стало ясно, что выборы, сроки которых постоянно переносились, не могли привести к успокоению страны. Страна была расколота, экономическая ситуация ухудшалась, а доходы от туризма падали. В Тунисе в принципе выдвигались те же требования, что и в Египте: ускорить политические реформы, происходили те же процессы над «бывшими», те же массовые эксцессы под руководством исламистов. Однако и в одной, и в другой стране после победы исламистов на выборах и формирования ими правительства начались волнения сторонников светских партий. То есть опять же по классическому сценарию началось противостояние в лагере «победителей». Но в Тунисе и Египте при определенном сходстве развития событий были и существенные различия. Об этом мы скажем далее.

В первое время после победы революций наиболее животрепещущий вопрос состоял в том, не окажется ли в итоге власть в руках исламистских радикалов. Многие – и справедливо – писали, что опасность эта очень велика [см., например: Мирский 2011].

Опытные политики считали, например, что приход к власти «Братьев-мусульман» – это лишь вопрос времени; в конце концов, они являются самым крупным и дисциплинированным оппозиционным движением в Египте [см.: Ярон 2011]. И в отношении Туниса было много подобных прогнозов. Недавний исторический опыт также подтверждал вероятность такого хода событий. Свержение шаха в Иране поначалу совершали тоже преимущественно прагма-

²⁰ В общую цепь событий легла и попытка штурма израильского посольства 9 сентября 2011 г., приведшая к жертвам, причем ранено было свыше тысячи человек [см.: Куделев 2011].

тичные демократические силы – и оказалось, лишь для того, чтобы власть захватили экстремисты [Ярон 2011]. Другие аналитики утверждали, что чисто политические лозунги революций и преобладание в авангарде образованной молодежи оставляют шанс на то, что радикалы если и придут к власти, то вынуждены будут считаться с ситуацией. Они надеялись, что «второго издания» иранской революции не получится. С другой стороны, по их мнению, усиление нестабильности, опасность несанкционированного ввоза оружия давали хороший шанс военным оставить в силе военное положение на длительный срок [см.: Куделев 2011].

Было очевидно, что в Арабском мире усилится борьба между фундаментализмом и стремлением к модернизации, ведь многие стороны модернизации (особенно связанные с бытом и семейной жизнью) оказались табуированными и замерли в развитии. С одной стороны, поскольку одной из главных сил революций выступала образованная молодежь, заглядывающая на Запад, можно было предполагать, что стремление к такого рода модернизации усилится. С другой стороны, вероятность временного усиления фундаментализма была очень высока. Тем более что у этих политических движений было гораздо больше опыта и они были лучше организованы, чем либеральные партии, многие из которых еще находились в стадии формирования [Халаф 2011].

Но, как мы отмечали [Гринин 2012a], в это время были моменты, способные уменьшить данную опасность, в частности то, что среди исламистов также не было единства и у исламистских партий имелись разные крылья, значительная часть (особенно молодых) деятелей занимают более умеренную и более благосклонную к демократии позицию. И действительно, каких-то монолитных исламистских коалиций не сложилось, что позволило удержаться от сползания к религиозному государству и в Тунисе, и в Египте. Другой момент, касающийся Египта, заключался в том, что в этой стране традиционно велика роль армии, которая стремилась по возможности сохранить важные рычаги влияния сама и была готова (как показали события июля 2013 г.) вернуть себе власть даже путем военного переворота (подробнее см. *Главу 2*). Менее очевидным в то время, но оказавшимся реальным был фактор большого пути, проделанного обществом Туниса в отношении секуляриза-

ции, что позволило противостоять попыткам навязать стране исламское законодательство и исламскую конституцию²¹.

В то время была надежда на то, что сама интеграция исламистов в политическую систему придаст их позиции большую умеренность, поскольку общество привет им более прогрессивные взгляды [см.: Халаф 2011]. Однако события не оставили для этого времени.

В самом общем плане было ясно, что если бы фундаменталисты взяли ответственность на себя, то крах этой политики мог способствовать уменьшению влияния фундаментализма. Но разумеется, для такого естественного развития событий потребовалось бы много времени. Противники исламистских партий ждать не стали.

В целом дальнейшее развитие показало частичную правоту и тех, кто опасался роста исламизма, и тех, кто полагал, что для него есть жесткие ограничения. И как всегда бывает, события приняли во многом отличающийся от прогнозов оборот.

И в Тунисе, и в Египте свободное волеизъявление дало победу религиозным партиям, что вновь продемонстрировало правильность утверждения (о чем шла речь в *Главе 2*), что в неготовом к демократии обществе всеобщее голосование может привести к власти силы авторитарного типа. Правда, исламистов в Египте и Тунисе нельзя обвинять в том, что они стремились уничтожить демократию (для этого у них не было особой нужды). Однако попыток навязать религиозный контроль (то есть ограничить гражданские свободы) было более чем достаточно. И в Египте, и в Тунисе исламисты активизировались и требовали принятия исламских законов; сплочение на основе борьбы с этим и стало одним из факторов их поражения.

О событиях в Египте уже шла речь в предыдущих главах. В данном случае мы не будем повторяться, а скажем несколько слов о том, как развивались события в Тунисе. По прошествии года революции на выборах 23 октября 2011 г. в Национальный учредительный совет – орган, который фактически должен был определять будущее страны, – большинство голосов получила исламист-

²¹ По сравнению с другими арабскими странами, в том числе Египтом, Тунис был затронут более глубокими модернизационными процессами. Он отличается большей степенью секуляризации, более качественным средним и высшим образованием и меньшей степенью религиозного консерватизма. Согласно опросам, 56 % тунисцев считают, что шариат должен стать основным законом страны, 89 % – что женщина имеет право самостоятельно решать, закрывать ей лицо или нет. В Египте таковых 74 % и 46 % соответственно [Султангалиева 2014]. Тем не менее видно, что степень секуляризации (особенно в отношении шариата) еще далеко не достаточная, что определяет возможность большого влияния исламистских партий и вероятность будущих колебаний во внутренней политике.

ская партия «Ан-Нахда» (89 мест из 217). При свергнутом президенте Бен Али она была под строжайшим запретом. Эта партия, выступающая за законодательное введение в стране норм ислама, вместе с другими, создавшими с ней коалицию, и сформировала правительство²². Лидеры коалиции подтвердили, что через год после принятия новой конституции в Тунисе пройдут всеобщие выборы новых органов власти. Однако дальнейшие события показали (как и в Египте), что идеология не способствует развитию экономики, а наоборот, вгоняет ее в кризис. Экономические трудности исламисты пытались компенсировать усиленным навязыванием своего понимания «духовности» (это типично для революций, что наблюдается сегодня и на Украине). Несогласных с таким положением дел новые власти отправляли в тюрьму или на кладбище [Яковина 2013; см. также: Сарджентини 2013]. В итоге, как и в Египте, в стране поднялось мощное оппозиционное движение, требовавшее сменить правительство. Главные бои шли вокруг конституции, в итоге ее принятие было задержано на целый год. В январе 2014 г. конституция была наконец принята.

С одной стороны, события в Египте и Тунисе были во многом похожи, с другой – реакция общества была различной, что отражало как исторические особенности стран (более сильную роль армии в Египте, например), так и уровень секуляризации, который в Тунисе, по нашему мнению, выше. Правление исламистов ни в одной стране не способствовало росту энтузиазма в отношении их программы, напротив, пребывание их в течение года у власти вызвало резкие протесты. Но у каждой страны был свой путь. В Египте военные свергли «Братьев-мусульман» и вновь объявили их вне закона. В Тунисе оппозиция заставила правящий блок пойти на компромисс и создать переходное правительство, а также принять соответствующую конституцию (о протестах в Тунисе в 2013 г. см. *Главу 6*).

Разница между двумя арабскими республиками проявилась и во взаимоотношениях религии и власти. В итоге, как пишет А. Султангалиева [2014], демократический приход к власти партий, свя-

²² Ее лидер Рашид Ганнуши, видный идеолог политического ислама, известен не только в Тунисе, но и за его пределами. Во времена Бен Али партия «Ан-Нахда» была обвинена в попытке государственного переворота, ее деятельность запрещена, вследствие чего Ганнуши был вынужден эмигрировать и более 20 лет проживал в Англии. Он вернулся в Тунис после свержения режима Бен Али 30 января 2011 г. Ганнуши заявлял, что «не собирается становиться тунисским Хомейни», и после успеха «Ан-Нахда» на парламентских выборах подтвердил приверженность партии демократическим принципам [Долгов 2012].

занных с исламскими движениями, бывших под запретом при прежних режимах (в Египте – «Братья-мусульмане», в Тунисе – «Ан-Нахда») имел разные последствия. В Египте исламисты по тем или иным причинам не сумели преодолеть экономический и политический кризис, консолидировать общество, что в итоге обернулось новой волной насилия, очередным переворотом и радикализацией противостояния. В Тунисе же исламская партия, уступив требованиям большинства, передала власть переходному коалиционному правительству. В результате стал возможным компромисс между исламистами и секуляристами. Их договороспособность отразилась в принятии новой конституции, считающейся самой современной в арабском и исламском мире. Документ, например, признает свободу совести, религиозную свободу, в том числе и право не исповедовать никакую религию, а также равенство в правах женщин. Примечательно, что новый основной закон Туниса закрепил приоритет закона и гражданства.

Неоднократно (как и в Египте) переносились выборы в парламент и президента. Наконец 26 октября 2014 г. прошли выборы, победу на которых одержала главная светская партия «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»), а исламистская партия «Ан-Нахда» потерпела поражение, оказавшись на втором месте (соответственно 85 и 69 мест). В самом конце 2014 г. во втором туре президентских выборов в Тунисе победил лидер светской партии «Нидаа Тунис» Бежи Каид эс-Себси, набравший более 55 % голосов. Конкурент эс-Себси – временный президент страны Монсеф Марзуки – получил поддержку немногим более 44 %.

Таким образом, Тунис избежал масштабного политического кризиса, сопровождаемого жестким политическим противостоянием светских и религиозных сил. Особенность тунисского общества сказалась и на том, каким образом решаются в стране вопросы политического транзита. Если в Египте это происходило через противостояние на площадях, то в Тунисе – преимущественно за столом переговоров [Султангалиева 2014]. С большим трудом, но удалось удержаться в законных рамках решения внутреннего общественного кризиса. Однако все очень хрупко. Кровавое нападение на иностранных туристов в марте 2015 г. в музее в центре тунисской столицы и расстрел туристов в июне этого же года в курортном городе Сус, которые стали делом рук связанных с ИГИЛ террористов, а также введение чрезвычайного положения в стране показали, насколько нестабильна ситуация [см. также: Стогов 2015; Хашчинь-

ский 2015; Якуби Имен 2015]. Кроме того, важно помнить, что опытный политик, нынешний президент эс-Себси, по сути, стал компромиссной фигурой, ведь ему уже более 88 лет. Ни эффективности, ни стабильности в такой ситуации ждать не приходится. И экономическая ситуация в стране не радужная. В том числе растет безработица среди молодежи, и что особенно тревожно – среди образованной молодежи. Данный показатель увеличился до 40 % от общего числа безработных [Султангалиева 2014]. Высокой остается эмиграция. Поэтому пока неясно, сработает или нет «закон Бердяева» о том, что «все революции кончаются реакциями» [Бердяев 1990: 29], в Тунисе, как уже сработал в Египте. Шансов в его пользу, увы, немало.

Синхронность революционных событий и асинхронность развития составляющих Мир-Системы

Одной из особенностей революций Арабской весны было то, что они стали неожиданностью для абсолютного большинства как аналитиков, так и самих жителей данных стран. Другой – то, что главными в них стали политические, а не религиозные лозунги. Хотя и высказывались мнения, что это станет «закатом политического ислама» [Игнатенко 2011], но в целом было понятно, что исламизм еще очень долго не уступит своих позиций. Но революции скорее поляризовали силы, поэтому радикальный исламизм появился в совершенно неприкрытом и до недавнего времени вообще неожиданном виде (ИГИЛ). Третьей особенностью революций выступает то, что они перекидывались из одной страны в другую с большой скоростью, как будто запылал пожар. Назовем это быстрое распространение революционных действий синхронностью революций. Стоит рассмотреть, каковы ее причины в Арабском мире (см. также *Главу I*).

То, что это страны одного языка, религии и культуры, а также наличие некоторых общих сходств в политических режимах и условиях жизни, естественно, дает определенный ключ к пониманию, почему революции и волнения возникли почти одновременно и стали быстро захватывать одно государство за другим в течение буквально двух-трех месяцев. Разумеется, живой пример соседей, вещания одних и тех же СМИ, доступность интернет-ресурсов для людей, живущих в разных странах, наличие отделений одних и тех же организаций в разных государствах и т. п. значительно способ-

ствовали этому. Свою роль сыграли и действия настроенных на подрыв ситуации западных организаций и интернет-ресурсов. Кроме того, как сказано выше, налицо общее влияние глобальных причин: кризиса и агфляции²³.

Тем не менее нельзя не отметить, что эти причины полностью не объясняют синхронности волнений в разных государствах, возникновения одних и тех же условий и ситуаций в верхах и низах в разных странах. В новой и новейшей истории такого рода синхронность иногда имела место, хотя нам не приходилось встречать анализ такого рода явлений. Представляется, что такой анализ в глобально-историческом аспекте может раскрыть некоторые важные черты Арабской весны и особенно ее места в современных мировых событиях.

Синхронность революционных изменений

В Мир-Системе (именно из-за ее системности) всегда наблюдались синхронные явления [см., например: Гринин 2012a; Гринин, Коротаяев 2009a; Barfield 1989; Chase-Dunn, Manning 2002; Hall *et al.* 2009]. Но, разумеется, временной «шаг» синхронности в древней и средневековой истории отличался от современности и мог равняться десятилетиям и даже столетиям. В рамках одной империи нередко наблюдалась синхронность социальных волнений, но одновременные социальные процессы в разных государствах если и имели место, то как исключения. С началом процесса глобализации и формирования современной Мир-Системы ситуация стала меняться. Вот почему уже в самом начале Нового времени возникает такое социально-идеологическое синхронное событие, как Реформация, начавшаяся с тезисов Лютера в 1517 г. в Германии и быстро распространившаяся в другие страны. Здесь нельзя не учесть воздействия новой для того времени мощнейшей информационной технологии – печатного слова²⁴, как, впрочем, нельзя не учитывать, что именно начало XVI в. было в Германии (да и в целом в Европе) временем довольно быстрого роста богатства, связанного с развитием мировой торговли, ростом спроса на немецкое серебро и т. п. [см., например: Арриги 2006; Бакс 1986; Nef 1987;

²³ Протесты в США против крупных финансовых корпораций и банков осенью 2011 г., поддержанные как в странах Европы, так и вне ее, показывают, что глобальные причины могут быть таким источником синхронности при наличии соответствующих информационных технологий.

²⁴ Так, за период возникновения и укрепления протестантизма в Европе было напечатано 500 млн экземпляров Библии [Назарчук 2006: 79].

Grinin, Korotayev 2015]. То есть здесь имели место глобальные факторы и завышенные ожидания населения. Другим такого рода событием, вероятно, можно считать национальные революции в Латинской Америке 1809–1826 гг. [Томас 1960; Лавров 1991], начавшиеся после свержения Наполеоном династии испанских королей в 1809 г. В меньшей степени это проявилось в 1830–1831 гг. в Европе, тем не менее Июльская революция во Франции нашла отклик в Бельгии и Польше, а также в некоторых немецких землях. Очень наглядно синхронность реализовалась в революциях 1848–1849 гг., охвативших целый ряд европейских стран (кстати, эти движения называли «весной народов»).

Характерно, что эта революция была тесно связана с мировым экономическими кризисом 1847 г. и неурожаями картофеля и хлеба 1845–1847 гг. Неурожаи вызвали явления, аналогичные современной афляции. Революция 1905 г. также вызвала определенную волну подражания в мире и тоже произошла после мирового экономического кризиса 1900–1903 гг., а в России – после и в результате неурожая 1901, 1905 и 1906 гг. Кстати сказать, появление новых способов печати, а также новые формы связи (электрической), равно как и развитие транспорта, способствовали возможностям революций. Взрывной характер носили и национально-освободительные движения в колониях в Африке в конце 1950-х – начале 1960-х гг., апогеем чего стал 1960 г.²⁵ Последним до Арабской весны таким синхронным событием стали революции в социалистических странах Европы в 1989–1990 гг.

Беглый анализ такого рода синхронных социальных и революционных движений говорит о том, что для их возникновения нужны следующие условия.

1. Наличие в определенном регионе сходных политических и идеологических условий и возникновение в нем (на базе уже существующего культурного единства) каких-то новых его направлений и пластов. Чаще всего это интеллигенция или верхушка («аристо-

²⁵ 1960 г. вошел в историю как «год Африки». На карте мира появились 17 новых африканских государств. Большинство из них – французские колонии и подопечные территории ООН, находившиеся под управлением Франции: Камерун, Того, Малагасийская Республика, Конго (бывшее Французское Конго), Дагомея, Верхняя Вольты, Берег Слоновой Кости, Чад, Центральноафриканская Республика, Габон, Мавритания, Нигер, Сенегал, Мали. Независимыми были провозглашены самая крупная страна Африки по численности населения – Нигерия, принадлежавшая Великобритании, и самая большая по территории – Бельгийское Конго. Британское Сомали и подопечное Сомали, находившееся под управлением Италии, были объединены и стали Сомалийской Демократической Республикой. 1960 г. изменил всю обстановку на Африканском континенте.

кратия») новых классов, которые могут стремиться к интернационализму. Роль «носителя» такого рода идеологии выполняет сравнительно новый слой общества, который претендует на роль «авангарда» и ориентируется на какие-то популярные (и сравнительно новые) идеологии. Так, в революционной Европе 1848–1849 гг. выдвинулась разночинная интеллигенция, радикальная буржуазия и мыслящая верхушка рабочих (новый класс), а в некоторых странах (типа Чехии или Венгрии) – националистическая интеллигенция и дворянство. В Африке конца 1950-х застрельщиком выступала интеллигенция. Но, конечно, в процессе революции поднимается масса иных сил и противоречий, а равно идеологий, которые могут в тех или иных случаях и местах стать ведущими, перехватить инициативу, выдвинуть на первый план фундаментальные идеи.

В арабских странах (особенно в Египте и Тунисе), как сказано выше, ведущей силой была радикальная образованная молодежь, спонтанно возникшие и зачастую неорганизованные молодежные движения, а исламисты следовали за ней [см., например: Халаф 2011]. При этом религиозные фундаменталистские лозунги пока оставались на заднем плане, а на передний выдвигались светские и демократические лозунги свободы и честности выборов, прав и т. п. [см.: Там же; Мухаммед 2011]. Характерно, что выступления фундаменталистов, такие, как, например, в Алжире в 1980-х гг., не стали толчком для массовых волнений в других странах (равно как и Иранская революция в 1979 г.).

2. Революционный эффект, влияющий на другие страны (особенно схожие по цивилизационным, политическим и социальным параметрам), возникает в сходных для этих стран ситуациях. При этом сходство закладывается как культурно-исторически, так и в результате влияния общих внешних факторов, например колониальных захватов, индустриальной революции в Европе в XIX в., установления социализма, глобализации.

В условиях наличия указанного сходства можно выделить два главных типа формирования подходящей для синхронии ситуации. Первый – **возникновение вакуума власти**, то есть ослабление какой-либо силы, которая препятствовала изменениям. Примерами могут быть освободившиеся страны Африки в результате ослабления Франции и Англии, изменения в социалистических странах в 1989–1990 гг. в связи с ослаблением СССР²⁶. Второй

²⁶ К слову сказать, если бы неожиданно наступило резкое ослабление США, то можно было бы наблюдать сильный эффект «вакуума власти» с соответствующей синхронией изменений.

тип – **обострение назревших противоречий в результате глобальных причин**, то есть общие глобальные (региональные) сдвиги и проблемы типа кризисов, неурожаев, инфляции. Это характерно для революции 1848 г. и Арабской весны. Но в отношении Арабского мира справедлив и первый тип ситуации, к чему мы еще вернемся.

3. Необходимы также **утрата доверия** к старым формам в политике и культурной сфере и соответственно **стремление к радикальным переменам**²⁷. Для темы нашего исследования важно, что *такое падение доверия и стремление к радикальным переменам охватывает в той или иной мере крупный регион в целом и возникает под влиянием не просто внутренних трансформаций общества, но особенностей глобального развития*. О них подробнее будет сказано далее.

4. Наконец отметим, что для реализации таких блоковых социальных движений немаловажна **апробация новых социальных и технических технологий** организации протеста и объединения протестующих. В этом случае новые революционные технологии активно берутся на вооружение лидерами движений.

Ситуация вакуума власти может возникнуть в любой момент истории. Но ситуация крупного глобального кризиса скорее характерна для так называемых нисходящих (понижательных) фаз длинных кондратьевских волн. Каждая волна длится 50–60 лет, соответственно каждая фаза составляет 20–30 лет²⁸. Повышательная фаза характеризуется более быстрым экономическим ростом и менее затяжными кризисами, понижательная – менее высокими темпами развития и более длительными и затяжными кризисно-депрессивными периодами [см.: Кондратьев 2002: 380–381; Гринин, Коротаев, Цирель 2011: гл. 3; Гринин, Коротаев 2012б]. Революции в Европе в 1830 и 1848 гг. начались соответственно на пике и на излете понижательной фазы первой К-волны. К моменту арабских революций можно говорить о начале понижательной фазы пятой К-волны (после 2008 г.). На наш взгляд, то, что она ознаменовалась

²⁷ Это часто сочетается со стремлением к возврату к якобы чистым формам прошлого (так наряду с радикальным республиканизмом возникает радикальный монархизм типа «Черной сотни» в России). Для арабских стран характерно сочетание стремления к демократии в одной части общества с исламским радикализмом – в другой. Но в целом и те и другие перестали доверять авторитарным правителям и уважать созданный ими строй.

²⁸ См. подробнее: Гринин 2010е; 2012ж; 2013в; Гринин, Коротаев 2010а; 2012б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Коротаев, Гринин 2012; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011.

столь масштабным политическим событием, как Арабская весна, выглядит не случайно, а вполне объяснимо с учетом сказанного о начале понижательной фазы пятой кондратьевской волны. Эта фаза предположительно закончится в 2020-х гг. Не исключено, что приблизительно в это время в результате экономического роста африканских государств с учетом их «молодежного бугра» волна протестов, похожих на Арабскую весну, может прокатиться и по некоторым из них.

Завершая краткий исторический анализ синхронных революционных событий, следует подчеркнуть, что каждая из таких волн синхронии знаменовала значительные изменения в Мир-Системе. Они либо побуждали к серьезным изменениям (например, после революций 1848 г. в Европе начали очень быстро развиваться капитализм и современные политические режимы, а после освобождения колоний неевропейский мир стремительно изменился), либо являлись предвестниками новых более значимых цепочек синхронии (как революции 1830 г. стали прологом для революций 1848 г.). Поэтому мы имеем основания считать, что *в Арабской весне налицо эффект начала глобальной реконфигурации мира. Волнения охватили весь Большой Ближний Восток, а затем и другие регионы. Они также подтвердили нашу идею о начале эпохи новых коалиций. Речь идет о том, что в современную эпоху началась очень активный процесс поиска новых союзников (и попутчиков), возникают необычные союзы и комбинации (как в экономическом, так и в политическом плане). Особенно это характерно для союзов, связанных с Россией и Китаем (БРИКС, стремление привлечь в ШОС или ЕАЗЭС такие страны, как Вьетнам, Турция, Египет, Индия)²⁹. С другой стороны, против этих попыток выступают США и западные страны, активно использующие свои союзы (как ЕС или НАТО), и пытающиеся создать новые (как ТТИП или ТТП)³⁰. Словом, идет активная геополитическая и дипломатическая работа по укреплению позиций в условиях формирующегося нового мирового порядка.*

²⁹ Подробнее о такого рода коалициях см.: Гринин 2009а; 2011б; 2012б; 2012в; Гринин, Коротаев 2012б; Grinin, Korotayev 2012.

³⁰ Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) (англ. *Transatlantic Trade and Investment Partnership*) и ТрансТихоокеанское Партнерство (англ. *Trans-Pacific Partnership*, ТПП). О принципиальных договоренностях по последнему объявлено в октябре 2015 г. Говорят также о договоре по торговле услугами (*Trade in Services Agreement*, TISA), обсуждение которого ведется в обстановке секретности.

Политическая и экономическая составляющие глобализации и Арабская весна

Рассмотрим теперь, почему появляются глобальные причины для начала синхронных массовых социальных движений. Сначала напомним то, о чем мы писали ранее: «Очевидно, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию. Усилится ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и социологи, приводя разные аргументы, считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Мы придерживаемся подобного же мнения³¹. Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться?» [Гринин 2009а; 2013в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2012; 2015].

Но как будет проходить это подтягивание? Подтягивание означает форсированное развитие, что может реализоваться напряженностью, крутыми поворотами и переворотами, разломами, и – как стало ясно сегодня – вовлечением в бурные события сразу большой группы стран. Вот почему мы прогнозировали, что такое подтягивание в рамках Мир-Системы означает в ближайшем будущем достаточно сложный период [Гринин 2009а; 2013в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2012; 2015]. Логика очевидна: отставание не может быть бесконечным; когда оно становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. И это бывает именно тогда, когда экономическое развитие замедляется вследствие кризисных явлений, при этом одной из причин кризисов выступает то, что социальные и политические изменения в обществе не успевают за экономическими [см.: Гринин 2010а; 2012а; Гринин, Коротаев, Цирель 2011].

Таким образом, идея заключается в том, что *именно асинхронность развития разных линий Мир-Системы является причиной синхронности крупных социальных движений*. Иными словами, в процессе глобализации одни процессы значительно опережают

³¹ Современная экономическая ситуация (вместе с усилением дефляционных тенденций [см.: Гринин, Коротаев 2014б; 2014в; 2015а]) это подтверждает.

в развитии другие, в частности экономические процессы опережают политические. А такое опережение не может постоянно возрастать, соответственно происходит подтягивание, но оно совершается не постепенными изменениями, а рывками. Такое опережение одного вектора в отношении других приводит к различным диспропорциям в мире и в отдельных странах, что реализуется в социальной реальности в виде возникновения оппозиционной, протестной и революционной идеологий (см. выше). Причем неважно (с точки зрения назревания революции), что такого рода идеологии и идеалы реально могут быть плохо применимы к конкретной стране в определенное время³². Они играют роль тарана, с помощью которого сокрушаются негибкие режимы и имперского рода образования, дальнейшая же судьба такого рода стран зависит от исторического везения. Насколько затратными будут перемены для конкретного общества с глобальных мировых позиций, в сущности, оказывается не так важно. Поэтому слепое следование за модными теориями и их прозелитами опасно: естественно-историческое развитие в условиях глобализации будет осуществляться именно по принципу «лес рубят – щепки летят», где щепками порой выступают целые страны и политические движения.

Почему очередной рывок подтягивания политической составляющей в Мир-Системе произошел именно в арабских странах? С точки зрения глобализационных процессов нельзя не отметить, что разрыв между уровнем развития экономики, технологии и образования, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, быт, право и многие другие стороны жизни – с другой, является наибольшим среди всех остальных цивилизаций и культурных областей. Именно здесь женщины по сравнению с мужчинами имеют наименьшие права, но в то же время уровень образования, культуры и восприятия мира среди женщин уже явно не соответствует их положению³³. Влияние религии на все стороны жизни, включая право и финансы, здесь намного выше, чем в других местах, а веротерпимость во многих странах практически отсутству-

³² И напротив, режим «просвещенной» автократии, которая может последовательно проводить экономические и иные преобразования до того момента, когда общество уже будет реально готово к демократии, может быть существенно более подходящим для тех или иных стран, в частности и для Египта.

³³ Причем появляются такие утверждения, которые нельзя игнорировать. «Согласно докладу Фонда Thomson Reuters, в результате Арабской весны положение женщин в арабских странах ухудшилось», – пишет В. Мацца в статье, опубликованной в газете *Corriere della Sera* [Мацца 2013].

ет. Арабские страны не смогут бесконечно игнорировать эти проблемы, тем более что высокий уровень миграции, в том числе в европейские страны, и усиливающаяся открытость к телевизионным и интернет-вещаниям подтачивают или прямо взламывают прежде закрытую идеологию.

Из истории глобализации: подтягивание политической составляющей

Опережение экономического вектора развития в отношении политического уже бывало в истории. Это, в частности, стало ощущаться с конца XIX в., пожалуй, с 1870-х гг., когда началась понижающая фаза второй кондратьевской волны. Войны и революции конца XIX – начала XX в. можно рассматривать как некоторые попытки подтянуть политический вектор в рамках Мир-Системы. Однако они не принесли реального успеха и вылились в Первую мировую войну. После нее прошла волна больших территориально-политических и не менее значимых социальных изменений в западных обществах, а также были предприняты в целом не очень успешные попытки создать мировые координационные органы (Лигу Наций) и некоторые экономические организации. Таким образом, крупные политические изменения произошли, хотя и тяжелой ценой. Однако относительно слабое экономическое развитие в межвоенный период было одним из свидетельств того, что требовалась более глубокая перестройка как в рамках Мир-Системы в целом, так и во многих ее обществах [см. об этом: Гринин 2013*б*]. Завершила эту перестройку Вторая мировая война, в результате которой возник новый мировой порядок, причем были созданы дееспособные экономические мировые организации, и, в конечном счете, открылись большие возможности для экономического развития [об истории мирового порядка см.: Он же 2015*б*].

Однако требовалось и политическое изменение в колониальном мире, где уровень развития колоний уже стал опережать их политическое состояние [подробнее см.: Он же 2012*а*; Grinin, Korotayev 2015]. В результате Второй мировой войны, приведшей к поражению или ослаблению таких колониальных держав, как Япония, Италия, Англия, Франция, Бельгия и Голландия, началась полоса освобождения колоний. Первый крупный разрыв в колониальных владениях произошел в результате освобождения Британской Индии (образовались Бирма, Индия, Пакистан, Цейлон [см., например: Кей 2011: гл. 19, 20]). Позже обессиленная войнами в Алжире

и Индокитае Франция не смогла сопротивляться освободительному движению в Африке, и в 1960 г. колонии обрели независимость.

Развитие мировой экономики в 1950–1980-е гг. сопровождалось созданием массы наднациональных экономических и политических союзов и блоков. Грандиозные экономические изменения в результате начальной фазы новой производственной революции³⁴ привели к новым диспропорциям. Поэтому отставание политической составляющей от экономической явственно ощущалось. Наиболее слабым звеном оказались социалистические страны. В итоге распад Советского Союза, не выдержавшего экономической гонки, создал вакуум власти, в результате чего рухнула политическая система всех европейских социалистических стран.

Это существенно облегчило развитие того, что, собственно, и получило название глобализации. Но глобализация эта, как известно, была главным образом экономической и даже финансовой (наиболее крупным политическим изменением последних десятилетий в мировом масштабе стало, пожалуй, углубление и расширение интеграции Европы). Пока экономическая ситуация шла на подъем, главным образом происходили экономические (и связанные с ними социально-демографические) изменения, которые существенно преобразовали многие развивающиеся страны [подробнее см.: Amsden 2004; Мельянцев 2009; 2013; 2015; Гринин 2013а; Grinin, Korotayev 2014а; 2015]. Теперь, похоже, наступает очередь подтянуть тылы в развитии Мир-Системы, и Арабская весна – один из значительных эпизодов в подтягивании политической составляющей мир-системного развития³⁵. При этом турбулентность существенно усиливается (а в ряде случаев задается) тем, что США, ощущая свое ослабление, пытаются задержать процесс уменьшения ее лидерских позиций подрывом мощи конкурентов, пытаясь обозначать свое присутствие в самых разных регионах и странах [см. об этом в Заключении; см. также: Гринин 2015б].

Таким образом, глобализация и ускоренное развитие развивающихся стран уже привели и приведут в еще большей степени

³⁴ Эту производственную революцию мы назвали кибернетической, а ее первую фазу – научно-информационной. Завершающая фаза кибернетической революции, по нашим предположениям, начнется в 2030–2040-х гг. [подробнее см.: Гринин 2013д; Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2013; 2015; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014; 2015; Гринин, Коротаев 2015б; 2015е; Grinin A., Grinin L. 2015а; 2015б].

³⁵ При этом чем сильнее такая диспропорция между экономическим и социально-политическим развитием, тем своеобразнее может быть затем политическое изменение [см. о некоторых аспектах этого процесса: Гринин 2013а].

к ощущению необходимости глубоких изменений в мире. Этот период серьезных изменений, напомним, был назван нами *эпохой новых коалиций*, в процессе которых начнут складываться контуры нового мирового порядка [см.: Гринин 2009а; 2011б; 2012а; 2012б; 2012в; Гринин, Коротаев 2012б]. В определенном плане ближайшая к нам эпоха может напоминать перемены, которые наступили в результате Второй мировой войны. Разница, однако, будет заключаться в том, что в первом случае возник ведущий лидер Мир-Системы – США, а в ближайшем будущем на роль такого лидера предложить некого. Отсюда роль новых коалиций будет более высокой. Нечто похожее происходило после Второй мировой войны, когда возникали различные блоки по принципу близости к коммунизму или антикоммунизму, США или СССР, и иные, связанные с региональной или особой политикой. Но теперь вектор все же должен сместиться в направлении создания более дееспособных мировых (межблоковых, межгосударственных и т. п.) центров координации.

Далее мы вернемся к вопросу о возможных изменениях, связанных с Арабской весной. Но пока необходимо дать общее представление о некоторых предполагаемых изменениях в будущем.

Ослабление центра Мир-Системы и наступающая эпоха новых коалиций

Сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом³⁶. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом – относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится [такого рода прогнозов много, см., например: Thompson 1988; Attali 1991; Colson, Eckerd 1991; Frank 1998 (Франк 2002); Todd 2003 (Тодд 2004); Wallerstein 1987; 2003 (Валлерстайн 2001); Kupchan 2002 (Капхен 2004); Buchanan 2002 (Бьюкенен 2007); Иноземцев 2008; Гринин 2009а; 2009б: гл. 5; Арриги 2006; 2009; Frank 1997; Arrighi 1994; 2007; Mandelbaum 2005; Global Trends 2030...

³⁶ Это в значительной степени связано и с процессами Великой конвергенции в целом, то есть процессами подтягивания развивающихся стран к развитым [подробнее о Великой конвергенции см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2010; Коротаев, Божевольнов 2010; Коротаев, Малков и др. 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Гринин 2013а; 2015б; Акаев 2015; Korotayev *et al.* 2011a; 2011b; 2012; Korotayev, de Munck 2013; 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2015].

2012; Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; 2015]. Особенно активно такие предположения высказывались с момента начала кризиса в США в 2007–2008 гг. И этим очень обеспокоены многие в самих США.

С 2008 г. (даже до начала глобального кризиса) появляется все больше статей, в той или иной мере утверждающих, что американское могущество под угрозой, что США перестает быть абсолютным гегемоном, что однополярный мир трансформируется и т. п. [см., например: Милн 2008; Naass 2008; Закария 2009; Le Monde 2009]. Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например «Иллюзорность американского могущества» [Гринуэй 2008]; «Конец американской эпохи?» [Кеннеди 2009]; «Падение Америки создает опасные возможности для ее врагов» [Падение Америки... 2008]; «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» [Грей 2008]; «Американский век на закате» [Reid 2008]. Такого рода статьи постоянно появляются до сих пор [см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015a], хотя некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии ее внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Также многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдерживать соперников [на те или иные возможности поддержать лидерство США указывают ряд авторов, см., например: Милн 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015].

Действительно, сегодняшний кризис стал важным этапом в плане ослабления позиций нынешнего лидера. В целом прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, нежелающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия [Гринин 2005: 17; 2008a: 93; 2009a; 2009б: Гл. 5]. На Ближнем Востоке, особенно в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене, но также и в ситуации вокруг Ирана, и в событиях вокруг Украины и других постсоветских стран мы видим сегодня болезненные вариации этой коллизии. Соответственно в ближайшем будущем новые аспекты взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и об-

щемировыми интересами – с другой, будут демонстрировать нам трансформацию указанного противоречия.

Прежде всего отметим, что США всеми силами и вопреки всему пытаются сохранить свою гегемонию и в условиях замедления экономического развития активно применяют тактику обрушения любых соперников, которые рассматриваются ими как опасные. В настоящее время главным объектом таких атак выступает Россия (по мнению США, ее примерное наказание заставит и Китай вести себя лучше). Но США думают и о том, как всячески сдерживать Китай, который стал слишком мощным. К сожалению, о последствиях таких откровенно враждебных действий для экономики других стран, устойчивости мирового порядка и поддержания определенных стандартов международных отношений в США практически не думают.

Однако подобные действия не могут иметь стопроцентного успеха, поскольку главная причина ослабления лидерских позиций США не в соперничестве других держав, а в ослаблении внутренних импульсов развития в самих Соединенных Штатах. Поэтому изменение их позиции в мировом рейтинге неизбежно. В то же время такая коллизия относительно уменьшения роли США – как бы к ней ни относились – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России; чаще всего речь идет о Китае). Но это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Потеря Соединенными Штатами статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка, поскольку США сосредоточивают в себе слишком много *аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, технологического*. Причем это лидерство в разных сферах хотя и ослабевает, но по-прежнему сохраняется [см.: Бреммер 2015]. Уже одно это перечисление преимуществ показывает, что место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, поскольку никто не в состоянии сосредоточить одновременно столько лидерских функций. И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны [подробнее об этом см.: Гринин 2009а; 2013а; 2015б; Гринин, Коротаев 2012б;

Grinin, Korotayev 2010*b*; 2014*b*; 2015]. При этом еще больше усугубит проблемы нежелание США утрачивать ведущую роль. Ситуация на Ближнем Востоке хорошо это иллюстрирует. США перестали поддерживать арабский статус-кво рука об руку с саудовскими королями, и об этих днях еще не раз придется ностальгировать [см.: Камински 2011]. Ныне США скорее предпочитают хаос порядку, при этом они надеются, что хаос будет управляемым, но управлять им трудно или просто невозможно. В результате США не смогли уйти с Ближнего Востока, как предполагали, а напротив, еще больше там завязли [Тол Гёнюль 2015], и «распадающийся Ближний Восток источает мстительное презрение к Соединенным Штатам» [Фримэн 2015; см. также: Лорд 2015]. США перестают бояться и крупные игроки, которые начинают играть в собственную игру [см., например: Раинери 2014; Тол Гёнюль 2015]. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий для очень многих стран и мира в целом.

Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов в долгосрочной перспективе предполагает определенное сокращение национального суверенитета, о чем мы неоднократно писали [см. подробнее: Гринин 2008*a*; 2008*b*; 2009*a*; 2015*b*; Grinin 2013*b*; 2014]. Но проблема в том, что этот объективный процесс, который идет с конца прошлого века, Соединенные Штаты и другие сильные игроки стали использовать, чтобы навязывать свою волю и интересы десяткам стран. В целом в результате ослабления лидерских функций США, попыток в этой связи ряда государств изменить мировые правила (например, в отношении статуса доллара и т. п.) и одновременно абсолютного нежелания США уступать хоть что-то из своих неформальных прерогатив напряженность в мире усилилась. В итоге мировой порядок сменяется мировым беспорядком, в котором действует одновременно несколько принципов, где сосуществуют однополярный и многополярный миры. Причем «новорожденный многополярный мир беспорядочен, почти анархичен» [Многополярный мир... 2009]. Тем не менее «было бы ошибкой недооценивать сейчас влияние США после того, как его переоценили в прошлом. Еще более страшной ошибкой было бы ...убедить себя в том, что Америка готова добровольно отречься от своей короны» [Лаиди 2009].

Такая турбулентность вместе с формированием различных союзов и комбинаций может продлиться определенное время. Но по-

степенно наряду с вероятным усилением конфликтности и политических перемен в различных регионах усилится вектор, направленный на формирование общего поля интересов государств. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил», который не может быть слишком долгим (возможно, до двух десятков лет), мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и поддерживать их. Подтягивание политической составляющей глобализации может заключаться в том, что общемировые интересы начнут так или иначе оказывать влияние на политику все большего количества государств. А это значит, что в самой концепции внешней политики и постепенно (очень неравно) в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов государств будут занимать меньше места, чем сегодня.

Да, конечно, сказанное может звучать утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового мирового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно. После 2008 г. произошли некоторые изменения, в том числе и в политике США, которые стали больше прислушиваться к мнению других стран, но стоило их экономике чуть окрепнуть, как они начали отыгрывать назад. Украинский кризис, как и борьба с ИГ, также будет способствовать поиску новых отношений.

Таким образом, в течение некоторого времени принципы мирового порядка должны измениться. Грубая демонстрация в качестве ведущей причины политики национального эгоизма, как нам кажется, должна уменьшиться. Дело, разумеется, не в том, что национальный эгоизм исчезнет (он вряд ли вообще когда-нибудь исчезнет). Просто он будет сильнее, чем сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая международная акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Поэтому есть ощущение и надежда, что – конечно, весьма постепенно – во внешней политике все чаще будут звучать лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой

«кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели. Но подобная трансформация так или иначе приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проигрывают. Также неизбежно радикально изменится политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы насильственно доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, причины соперничества на международной арене, формы конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Заметнее пойдет конкуренция за то, кто станет направлять процесс формирования нового мирового порядка в мире и отдельных регионах. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* [Гринин 2009а; 2012в; Гринин, Коротаев 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2012]. В результате могут быть обозначены контуры новой расстановки сил на какой-либо срок.

Вполне вероятно, что на определенное время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими. В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИКС.

Сегодня союз стран БРИКС стал вполне осязаемым, начинают осуществляться вполне серьезные проекты, в частности по созданию нового мирового банка и др. Растет число стран, желающих в той или иной степени сотрудничать в рамках БРИКС. И есть даже идеи, хотя еще весьма неконкретные, расширить БРИКС до БРИКСА, включив в структуру Аргентину. Но вспомним, что аббревиатура БРИК появилась в записке аналитика «Голдман Сакс» Дж. О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Однако неожиданно умозрительные конструкции ожили, и в 2009 г. прошел первый фо-

рум стран БРИК на уровне руководителей стран в российском Екатеринбурге, а затем, в 2010 г., – в Бразилии. Далее к этому форуму четырех был приглашен пятый участник – ЮАР, и БРИК превратился в БРИКС. В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на высшем уровне в Китае на острове Хайнань (см., например: Садовничий и др. 2014). В это время Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», отмечал, что «этим странам выгодно подчеркивать свой особый статус в мировой системе. Пока для каждой из них это просто престижно», «но со временем объединение будет становиться все более перспективным» [см.: Сурначева, Артемьев 2011]. Как мы видим, весьма перспективным. Но тогда еще не было ясно, станет ли БРИКС достаточно устойчивым объединением. Сегодня после целого ряда форумов и важных решений видно, что у него может быть будущее.

При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединиться к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС, либо к международным проектам, как, например, Китайский Азиатский банк или «Новый Шелковый путь».

Таким образом, мы видим, что современные союзы могут возникать случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится достаточно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, находясь не только рядом друг с другом. Вот поэтому возникают самые разные геополитические фантазии, некоторым из которых, вполне возможно, и суждено ожить, как произошло с БРИК.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Но в конце концов некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В этом же процессе начнут выработываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий [см., например: Тинберген 1980].

Ближний Восток и реконфигурация мира

Глобализация по мере своего развития способствует восприятию как базовых более крупных, чем отдельные государства, экономических и политических единиц. Поэтому аналитики, особенно эконо-

номисты, все чаще оперируют региональными единицами (ЮВА или даже Азией, АТР, Европой и т. п.). И хотя страны, входящие в те или иные регионы и блоки, очень разные, такое масштабное восприятие объективно оправдано и полезно. Арабская весна, как мы уже отмечали, показывает, что современный мир под влиянием глобальных процессов начинает серьезно меняться. Такая смена сулит возникновение мощных и, вероятно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Внезапность может быть сродни землетрясениям. И продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что, подобно тому, как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических плит. И Ближний Восток, и Украина относятся к таким регионам³⁷. Внутренние особенности регионов и стран во многом и определяют эту геополитическую неустойчивость.

Таким образом, можно предположить, что особо сильные изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат на стыке геополитических плит.

Рассмотрим несколько подробнее процесс, который мы назвали реконфигурацией. Основные векторы этой реконфигурации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом увеличение роли в мировой экономике и политике развивающихся стран. Проявляясь процесс реконфигурации в разных странах, случаях и регионах может по-разному и часто непредсказуемо. Если спроецировать это на Ближний Восток, то в результате ослабления влияния США и Запада здесь возникнет много новых комбинаций, которые показывают различные варианты развития. Они также демонстрируют переход к новому состоянию в международных отношениях, когда наряду с попытками сохранять старые союзы и комбинации одновременно пытаются сформировать самые разнообразные новые (то есть имеется сдвиг к «новым коалициям»). Отсюда этот регион может генерировать много изменений всякого рода (включая и импульсы для выработки общемировых норм и принципов). Пока же налицо поляризация сил, о которой мы ска-

³⁷ На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Синьцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но возможны – не значит, что они обязательно будут).

жем ниже, и откровенные попытки установления собственной гегемонии со стороны региональных лидеров.

Арабская весна показала двойственность позиции США и в целом Запада на Ближнем Востоке. Это во многом связано с тем, что под влиянием кризиса западные страны все больше заняты своими внутренними проблемами. С одной стороны, Запад совершенно не намерен отказываться от лидирующей роли. Особенно это было заметно в отношении Ливии и Сирии. Вполне понятно, что с точки зрения США нельзя было упускать шанс под благовидным предлогом разделаться со своими старыми врагами. Тем более что поддержка идеи (либо даже инициатива) установления над Ливией зоны запрета полетов боевой авиации вместе с признанием нелегитимным режима Каддафи исходила от так называемого Совета сотрудничества стран Персидского залива, то есть Саудовской Аравии и других государств Залива. С другой стороны, США и Европа, по сути, предали своих союзников, которых много лет поддерживали и в которых было вложено много средств³⁸. При этом, несомненно, ослабление Египта означало для Запада крушение одного из несущих столпов его политики [Ярон 2011]. Этот фактор, а также неприкрытое стремление Саудовской Аравии ослабить влияние «Братев-мусульман», вероятно, и является объяснением, почему сегодня США, нуждаясь в Египте, закрывают глаза на жесткую политику и террор, которые проводят там военные во главе с Ас-Сиси.

В целом же политика США в этом регионе в последние пять лет довольно непоследовательна. Все эти годы она постоянно колебалась в самых разных аспектах, так что обнаружить в них ясную логику затруднительно³⁹. (Подробнее о политике США на Большом Ближнем Востоке см. в *Заключении*.) В целом можно констатиро-

³⁸ Многие политики и дипломаты огорчились по этому поводу, поскольку чувствовали, что рискуют потерять друзей и поставить под угрозу экономические и военно-политические интересы на новом Ближнем Востоке, который они едва понимают. Так, после падения Мубарака один высокопоставленный представитель США огорченно воскликнул: «С кем же нам теперь вести дела в Египте?» [Рахман 2011]. А один из авторов *Washington Times* сокрушался по этому поводу: «Пускай Мубарак был мелким продажным диктатором, но он поддерживал Америку» [Там же]. Говоря объективно, Х. Мубарак много сделал и для Египта, и для дела мира на Ближнем Востоке, поэтому говорить, что он мелкий и продажный, и глупо, и несправедливо. Да и его поведение в период кризиса и после него говорит о его личных качествах. Думаю, что история (как говорил сам Мубарак) вынесет совсем другой приговор ему и его правлению. В любом случае было бы намного лучше, если бы он спокойно передал власть вновь избранному президенту, но, увы, у революции свои законы, от результатов действия которых народу может зачастую стать только хуже.

³⁹ «Не понимаете политику Обамы в Сирии? Это нормально» – этот ироничный заголовок в итальянской газете *Il Foglio* [Раинери 2014] довольно точно отражает ситуацию.

вать, что США взяли курс на сокращение своего прямого участия в конфликтах, в результате чего вывели основные войска из Афганистана и Ирака. Но попытки опереться на установленные в этих странах режимы не дали нужного результата, и в итоге США завязли на Ближнем Востоке [Тол Гёнюль 2015]. При этом возникает ощущение, что в ряде случаев Соединенные Штаты полагают, что в условиях хаоса в результате свержения легитимных правителей (как в Ливии или Сирии) и балканизации стран им будет легче осуществлять свою глобальную политику. Они также пытаются противопоставить одни страны другим (в частности, Иран – Израилю и Саудовской Аравии). Правда, понять смысл и цели этой политики довольно затруднительно. Но то ли по причине потери ориентиров, то ли из-за падения профессионализма дипломатов, то ли потому, что явно не хватает сил, но зато возросли амбиции⁴⁰, США как будто перестали считаться со своими союзниками, действуют под влиянием каких-то сиюминутных интересов и т. д.⁴¹ Словом, ситуация в действиях США характеризуется разнонаправленными и часто противоположными векторами. С одной стороны, налицо попытки мобилизовать старых союзников, не выпустить их из своей орбиты, с другой – странные действия, которые грозят ухудшить отношения с союзниками ради достижения каких-то не очень реальных целей. Возможно, это тоже отражение изменений в мировой политике, ее дрейфа к «эпохе новых коалиций».

Итоги влияния США на Ближнем Востоке подвел английский комментатор Джон Уайт, специализировавшийся на геополитике. По его оценкам, война в Ираке породила «иракский синдром», операция в Ливии «открыла ворота ада», политика в Сирии подорвала авторитет Обамы, а попытки заставить Россию играть по своим

⁴⁰ «США не имеют осмысленной и четкой стратегии происходящего в странах Магриба, вследствие чего пытаются приспособиться к быстро меняющейся ситуации с целью извлечения максимальной геоэкономической и геополитической прибыли. По максимуму – цель была в конечном итоге так выстроить комбинаторику событий, чтобы всем доказать», что они еще полные хозяева положения [Баранчик 2013].

⁴¹ В целом в США восторжествовал гегемонистский поход, с одной стороны, из-за непрофессионализма во внешней политике (который окончательно победил), примером чего является поведение Х. Клинтон в Ливии, а с другой – убеждение, что у США хватит ресурсов, влияния и средств давления на любую страну, чтобы разрешить любую ситуацию, поэтому нет смысла особенно беспокоиться о налаживании долгосрочных отношений. В то же время такая политика, в том числе решение Обамы не наносить авиаудары по позициям сирийских правительственных войск ал-Асада, окончательно подорвало авторитет американской администрации в регионе. В результате Израиль, Турция, Саудовская Аравия и Катар начали преследовать свои собственные цели, считая Вашингтон слабым [Wight 2015; Уайт 2015].

правилам усугубили неспособность США «проецировать власть» [Wight 2015; Уайт 2015].

Упадок «имперского» влияния США в этом регионе, по его мнению, начался после неудачной «оккупации» Ирака и Афганистана. Результатом американских усилий в этих государствах стало лишь распространение терроризма и экстремизма, а также неспособность США к проведению крупномасштабных военных операций, отмечает аналитик. Он справедливо считает, что любое обострение на Ближнем Востоке может привести к непредсказуемому «взрыву», что подтверждают последствия свержения Каддафи в Ливии. Вместо того чтобы обеспечить «благополучное приземление ливийской фазы Арабской весны на берегах западных геополитических интересов», операция в Ливии «открыла ворота ада, из которых вылились десятки тысяч первобытных фанатиков, чья кровожадность не знает границ» [Там же]. Вашингтон и его европейские союзники оказались не в состоянии контролировать распространение этого фанатизма [Там же].

Что касается поддержки движений Арабской весны со стороны США даже там, где их геополитические интересы от этого пострадали, то в полной мере истинные причины такой позиции станут, вероятно, ясны только позже, но представляется, что в известной мере западные страны стали заложниками своей веры в демократию в условиях, когда революционеры подняли знамя демократии и побоялись открыто поддержать своих недемократических, но вполне лояльных союзников. Поэтому сравнение, сделанное обозревателем *Financial Times* Г. Рахманом [2011], пусть и преувеличенное, все же выглядит весьма убедительно.

«Для Запада Арабская весна – хорошая и дурная новость сразу. Хорошая новость в том, что это арабский 1989 год. А дурная – в том, что Запад выступает в роли Советского Союза. Когда в Египте началась революция, администрация Обамы дала понять Мубараку, что для США неприемлемо жестокое подавление восстания в Египте – точно так же, как в 1989 г. лидер Советского Союза Михаил Горбачев заявил руководству ГДР, что не поддержит убийство мирных демонстрантов в Лейпциге. В обоих случаях – в Египте и ГДР – отказ сверхдержавы от дальнейшей поддержки помог подтолкнуть режим к обрыву и возмутил весь регион. Как и СССР в 1989 г., США благородно решили не позволять своему союзнику в регионе остаться у власти посредством насилия. Но, как и русские, США имеют теперь все основания опасаться, что им при-

дется пожертвовать своими позициями в традиционной сфере влияния» [Рахман 2011].

Сравнение с 1989 г. не случайно. Оно хорошо показывает, что ослабление Запада (наметившееся именно с момента апогея его могущества, когда исчез коммунизм и не стало врага, борьбой с которым можно было оправдать любые действия в политике), дошло теперь до критической точки. Мир начинает развиваться более неуправляемо, чем раньше. Это значит, что реконфигурация началась.

Помимо 1989 г. возникает сравнение и с ситуацией, создавшейся после Второй мировой войны, когда ослабление Запада и концентрация его на собственных проблемах вместе с попытками удержать колониальные империи в конечном счете привела к их развалу. Если в эпоху 1950–1960-х гг. роль альтернативы западному пути и империализму играл социалистический блок во главе с СССР, то теперь быстро растут богатство и сила становящихся уже мировыми державами Китая и Индии, а также ряда региональных держав.

В отношении Ближнего Востока создается впечатление, что, во-первых, израильско-палестинский узел теряет роль первого по значимости (см. об этом в *Заключении*), во-вторых, заметно углубляется раскол в исламском ближневосточном и североафриканском мире. Как уже было сказано, довольно давно существует антагонизм между шиитским Ираном, который поддерживает радикальные шиитские режимы и движения (в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке, а также в Йемене), и суннитскими монархическими режимами Залива с Саудовской Аравией во главе. Но в связи с событиями Арабской весны – волнениями в Бахрейне, где Иран также пытался разыграть шиитскую карту, интервенцией туда войск саудитов и напряженными столкновениями между режимом ал-Асада и разношерстными оппозиционерами в Сирии, – а также рядом других событий, включая хуситскую революцию в Йемене, этот антагонизм превратился в открытый раскол и яростную борьбу за лидерство в регионе. При этом Иран никогда не скрывал своих амбиций получить региональное господство, а Саудовская Аравия длительное время мечтала о том, как США нападут на Иран, чтобы «отрубить голову змее» [Ярон 2011]. Указанное региональное противостояние требовало союзников, которых искали повсюду. Это противостояние – «с одной стороны, США и их союзники, с другой – Иран и его приверженцы – находило свое отражение в каждом локальном конфликте. В Ливане, Иране, Йемене или Палестине силы – неважно, сунниты

это или шииты, – классифицируются по шкале, полюсы которой образуют Вашингтон и Тегеран» [Ярон 2011; см. также: Джа 2011].

Однако так было в период до 2014 г. Теперь с появлением ИГИЛ и не полностью понятным стремлением США заключить договор с Ираном, которое удалось осуществить, ситуация существенно меняется (см. также *Заключение*). Противостояние между Ираном и саудитами никуда не исчезло, но оно осложнилось и несколько закамуфлировалось рядом новых обстоятельств. Саудиты и другие страны Залива, по-видимому, тайно поддерживали «Исламское государство» а некоторые силы в этих странах делают это до сих пор, но, естественно, отрицают какую бы ни было связь с игиловскими террористами. Зато Иран открыто помогает Башару Асаду в борьбе с радикалами в Сирии и Ираке. При этом позиции Ирана в связи с тем, что США отказываются сегодня от политики санкций в отношении Исламской республики (что, вероятно, все же является временным отклонением), усиливаются. А позиции Саудовской Аравии в связи с определенным охлаждением в отношениях со своим заокеанским союзником и падением цен на нефть стали чуть слабее. Хотя геополитических амбиций новому королевскому правительству этой страны не занимать. Последнее выразилось в том, что Саудовская Аравия возглавила довольно широкую военную коалицию ближневосточных государств против режима хуситов в Йемене с целью возвращения к власти президента Мансура Хади. Турция также постоянно пытается в том или ином плане повлиять на ситуацию. При этом, с одной стороны, она хотела бы сблизиться с Ираном, а с другой – вынуждена с ним конфликтовать.

Вообще на Ближнем Востоке все очень изменилось и запуталось, так что позиции многих игроков (включая Израиль) не всегда понятны, а различные возникающие блокировки еще недавно казались невозможными. Это еще раз подтверждает сказанное нами выше о наступлении *эпохи новых коалиций*. В частности, уже упоминавшийся Совет сотрудничества стран Персидского залива даже рассматривал возможность включения в эту прежде региональную организацию Иордании и Марокко, что, по сути, превратило бы ее в «охранительный» клуб арабских монархий [см.: Халаф 2011].

Геополитический результат этой реконфигурации в исламском мире, по-видимому, еще значительное время будет определять основные интриги политического развития Ближнего Востока. В то же время развязанные странами Залива и США конфликты создают весьма неоднозначную ситуацию, в которой противоречивые инте-

рессы глобальных и региональных игроков никак не могут примириться [см., например: Обзор прессы... 2015].

Завершим эту главу тем, чем мы ее начали. Ближний Восток и Северная Африка всегда были в центре внимания мировой общественности. Арабская весна и ее пока непредсказуемый геополитический результат сделали этот регион еще более важным. При этом «цена демонтажа укоренившихся автократических режимов» оказывалась «невероятно высокой», как с огорчением отмечал обозреватель еще в 2011 г. [Халаф 2011]. Однако об истинной цене такого «демонтажа» по-настоящему никто и не подозревал. Сегодня Европа начинает первые платежи по счетам, на которые были выписаны векселя бомбежками в Ливии и безудержной поддержкой антиправительственных режимов. Речь идет о неудержимом потоке беженцев, с которым ЕС не в состоянии справиться. Мы не говорим уже о цене, которую заплатили сами арабские народы. Но цена перехода к действительно более демократическим и дееспособным режимам может оказаться на порядок выше. В любом случае в настоящее время условия жизни в данных арабских странах стали менее комфортными, чем до начала революционных преобразований [Султангалиева 2014]. И впереди еще тяжелый и, вероятно, длительный период поиска политической идентичности.

Повторим, что исламский мир, за исключением некоторых стран, в целом оставался наиболее консервативным в плане изменений регионом. Несомненно, Арабская весна существенно ускорила как его модернизацию, так и изменения в мире в целом. Недаром даже страстные приверженцы ислама заговорили о том, что революции подвигают сознание миллионов людей не только к свержению режимов, но и к пересмотру многих веками складывавшихся представлений [Мухаммед 2011]. И все это свидетельствует об одном: не только Ближний Восток и Северная Африка, но и мир в целом начал развиваться по-новому и процесс изменений уже не может быть остановлен. Но цена этих изменений однозначно будет высокой, а путь к устойчивому состоянию – тернистым. Тем более что, согласно одному довольно справедливому мнению [Wight 2015], Ближний Восток можно рассматривать как «передовую» в борьбе за и против американской гегемонии в мире.